

Пыль весны. Из записных книжек
Параллели
Нора-Парнас
Зоология
Сердцетрясение воздуха
Mr.Белозеров
Энтузиаст
Направление безвозвратного
Андреас-Джойс, змей, кусающий собственный хвост
Теория вопросительности
Страх
Транс
Сумбур
Круговерть
Притчи
Размышления

ПЫЛЬ ВЕСНЫ. ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

Каждая законченная книга – это символическая смерть ее автора.

...

Мудрый давно уж не спорит, солнце и так высоко.

...

После детства нова, только смерть.

...

Великий страх сподвижник великих дел.

...

Я не знаю, куда я иду, и зачем я сдираю с кровью звезды с кожи ночного неба, захлебываясь полнолунием, изрыгаю полдневное южное солнце из легких, но я знаю, что только так, а не иначе, но Господи, если бы я знал, чего я хочу...

...

Повесился на знаке вопроса...каждый день – это ад, каждый год – это крест. Поэзия учит боли.

...

Польхаю июльским садом,
Содрогаюсь январским инеем,
Мне от жизни многое ль надо...

...

Не в споре рождается истина; истина выше всяких споров.

...

Поэт, ты всегда вопреки...

...

Какая глубже, учитывай, что не у всех хорошее зрение.

...

Сладость смерти для усталой души, пьянящий сон тьмы, холодная любовь памяти.

...

Опьянение горячей плоти, падающее в бездну сжатого пространства, разрывающееся огнем дыхание и что-то большее за всем этим...

...

Черный узел ночи, не разрешенные воском времени ожидания, зуд возбужденного воображения – повод для бессонницы; но паучий свинец дождя сильнее.

...

Иногда хочется отменить самого себя.

...

Сырость и гниль весны кладовые раскрыли (нежная слизь круговорота жизни)

...

Когда идет бриллиантовый дождь, все взбунтовавшееся становится на свои места и даже Заратустра Ницше приобретает христианский отголосок.

...

Знаете ли вы, что такое жить загнанным в тиски непослушного тела, оправленного рамками больной психики? Сюрреализм бытия, гимны одиночества, вчувствование в природ, истинную природу одушевленного тьмой пространства.

...

Чтобы выйти за границы игры, нужно нарушить правила, сделать единственным желанием – отсутствие желаний, а потом искоренить и его.

...

Что может быть прекрасней полета птицы.

...

Абрикосовое солнце с раскаленной косточкой над Голубой мечетью. Призраки древних суфиев приносят дары матери-богине Мудрости. Телевизионные сны Востока на широте промышленных ледников.

...

Поэт работает всегда, поэт работает незримо.

...

...не я владею словом, а слово мной владеет.

...

Соленый привкус моря распахивает стесненное полотно души.

...

Я счастлив исключительно по-своему; я не люблю – но так не любят все.

...

Расставание способствует сближению; плачь – возбуждению; смерть – жизни; тьма – свету.

...

Когда два становятся одним, ночь сжимает черные ладони, холодом звезд обдает туман взгляда, то в токе ветра рождается поэзия тела.

...

Мы забываем себя.

...

Сколько времени изведено в холостую, пережевано, выплюнуто засвеченной киноплёнкой на обочину, сколько перемолото ради призрачной будущности в жертвенном пепелище золотого мгновенья.

...

Для Ницше Бог умер, но не Ницше для Бога.

...

Без внутренней музыки природа души больна; природа больна.

...

Она неуловимо полна, близка, напряжением света между темных аллей озвучена, выхвачена из пространства измерением страха, страсти, любви, надежды разочарования, борьбы; она – моя тайна, укрытая тишиной.

...

Обыденность, воспрещающая думать о чем-либо инстинктом самосохранения, пресекается поэзией.

...

Мое изношенное тело дает мне право на свободу.

...

Наевшись пыльной асфальтовой бурей, иду спать в город призраков, среди мертвых камней и тощих лиан.

...

Голод мудр.

...

Просветление от безысходности.

...

Тайна женщины необозрима, как глубина вселенной и с тем же, проста для того, кто хоть раз в жизни смотрел раненым сердцем в зеркала небесных озер, в тропы ночных созвездий на качелях лета, кто хоть раз в жизни сумел открыть свежим взглядом дверь в невесомость океанических седин и пламень возвращающегося домой паруса; женщина – это природа, природа – это женщина.

...

Отправляясь в опрометчивый путь по коридорам пьянящей интуиции вселенной, разве знаешь, куда приведет тебя солнце.

...

Планы на будущее – дожить до завтра.

...

Претерпеть и принять во благо.

...

Делай свое дело.

...

Жизнь в другом измерении, в иной системе координат, в плоскости на бесконечной поверхности шара, в храме мудрости собственного безумия.

...

Она вливается в ночь, как весенняя птица, она падает на золотой шелк и отдает себя целиком целомудрию пылевидной страсти, ветви за окнами качаются в такт ее змеиную танцу, она полна изумрудного вина безмятежности, пока не растаял прощанием яичный рассвет майских оранжерей.

...

И все-таки дважды два – пять.

...

Ночь опускалась шелковой преисподней, скользила точащим нервом, забиралась иглами беспокойного сна под кожу. Это пекло, спуск для общения с бездной в самые темные края души, было для него возможностью жить дальше, не прибегая к помощи ядовитого свинца пули.

...

Он ждал с нестерпимой мукой, когда ее дыхание вновь обрушится на его уста, когда ее сладкая плоть обретет с ним единое целое, безраздельное естество вдохновения ночи, он ждал с содроганием и страхом потерять надежду на прощение, когда она плакала серебряной нежностью в его руках.

...

Я видел небо, пьяное небо течения вечера, я видел воду, холодную воду диких источников, я видел тебя, тебя, умиротворяющую огонь заката и прохладу реки.

...

Я забыл о времени, я забыл, кто я, я видел серое облако вдали и воздушный храм на его горбе, но я знал, что должен обрести новое дыхание ради ее дыхания, ее соленых глаз, ради ее чуткого солнца и вещей луны, и я встал и пошел на восток, откуда открываются свежим алмазом тропы к созерцанию любви, к музыке сердец, бьющихся рассветом...

...

Сумасшествие – либо болезнь, либо талант.

...

Прежде, чем воскреснуть - попробуй умереть.

...

Исследуя природу пограничных состояний, проникая во тьму, чтобы раздался свет, чтобы огонь больше не обжигал, а только грел больные сосуды сознания, кому объяснить саморазрушения во благо цельного, кто способен принять? (безмолвный клоун в глазах любопытствующих)

...

Боль – первая из муз.

...

Что написать, когда камнем падают сны в пропасть бессонницы, когда все слова сказаны, а руки дрожат напряжением ночи, когда все причалы забиты гнилью, а открытое море способно вместить, лишь пустую волну...но все неспроста (месторождения истины веры)

...

Жара нагнетает (майская соль по телу), духота разъедает (головокружение пыльной дороги), поэзия дает хрустальную влагу надежды с привкусом южного вина, скорая близость не разрешает пустить корни в ватное безразличие городского неба. Тень комнаты.

...

Глаза, горящие огнем, быстро исходят на пепел, пепел удобряет почву для огненных цветов.

...

Я слышал, что смерть – всего лишь возврат к себе, мне говорили, что память – вторая жизнь, но куда мне бежать, когда у порога северный ветер, кем мне быть, когда льдом покрываются губ рубины...

...

Обращаюсь в дым вечера, расстилаюсь постелью неба, нахожу вену весны, впрыскиваю сон экваториальных звезд...

...

Конвульсией утра расправляется небесная люлька, жерло середины мая обдает дорожной пылью с болотной палитры, музыка льется разламывающимся электро-нервом, мы остаемся, кем мы были, мы остаемся с тобой – поэзией иступленных полевых ковров, речных землистых скважин; мы остаемся близкой далью горизонта в протянутой руке.

...

Одиночество полдня прекрасно, как сон у истоков радуги. Собираясь из праха родниковой мозаикой, знаю, где-то думают обо мне дарами нерастраченной нежности.

...

И танцевали они, как огненный змей и лунная птица, и подобием солнца светились глаза их, и тела их полыхали свежестью лотоса, и руки их переплетались хвойными ветвями, и души их были одна в одну, и пути их были единым рукавом кубовой реки, и звались они именами сапфировых высот, и золото ночи падало с плеч их.

...

Уверовшая мгновенность принятия решений – залог помощи интуитивного прозрения к истине.

...

И мы собираем цветы полночных звезд и кладем их в корзины любви, быт и быть не одно и то же, нужен ли повод, чтоб сбросить одежду душного дня и паутину сомнений в труде путешествия.

...

Живая вода памяти – горный ручей; дыши же, дыши мое слово, обращенное к смерти, к потери, к любви, разодранной в клочья инея; знаешь, я еще помню, слышишь, я еще грею, видишь, я еще здесь, но уже не с тобой, но тобою полон, как Арктический ветер.

...

Свобода – сестра скорби.

...

Сколько лишних движений.

...

Дворы, где мы наполнялись елеем, стали кривы; вера в будущность с каждым днем стремится к совершенству небытия; время – самый опасный хищник.

...

Когда закончатся слова,
Я вспомню твое Имя,
Когда последний глоток воздуха обожжет горло,
Я буду молиться за тебя,
Дышать твоей печалью,
Твоим золотом,
Созвездием твоей вечерней улыбки...

...

Свежий ветер Иранских нагорий и Палестинских пустынь, где пророки вещали о мире без сновидений. Мы слишком долго искали себя в других, находя, лишь тоску. Проснись...

...

Для кого-то наркотический сон – это реальность, для кого-то реальность – наркотический сон.

...

Слова – это реальность...

...

Ледяная луна тает в ладони, звезды капают обжигающим воском под ноги, мы идем в продолжение ночи, мы смотрим друг другу в глаза и видим сны о будущее, наполненным солнечным хороводом листвы сентября.

...

Распускающийся розой бутон солнца, роняет золотые лепестки на изумруды летнего луга. Конец игры – начало новой партии.

ПАРАЛЛЕЛИ (Сценарий)

1

Озеро, парк, лето

Камера на воде

Музыка Шопена

Закадровый текст

Бытие гл. 1

9 И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. [Пс.32,7](#); [Пс.135,6](#)

(7 Он собрал, будто груды, морские воды, положил бездны в хранилищах. [Иов.38,8](#); [Иер.5,22](#)

6 утвердил землю на водах, ибо вовек милость Его; [Быт.1,9-10](#); [Иер.10,12](#); [Иер.51,15](#))

2

Лес, парк, лето

*Камера на траве, деревьях
Музыка Дебюсси*

Закадровый текст

Бытие гл. 1

11 И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так.

12 И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его. И увидел Бог, что *это* хорошо.

3

*Поле (пашня), лето
Камера на рыхлой земле, небе (поочередно)
Музыка Бетховена*

Закадровый текст

Бытие гл. 2

7 И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душой живой. 1 Кор.15,45

(45 Так и написано: "первый человек Адам стал душой живущей; а последний Адам есть дух животворящий". Быт.2,7; Рим.5,18)

4

*Река, лето
Камера вода-берег
Музыка Моцарта*

Закадровый текст

от Матфея гл. 3

11 Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мной сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем; Мар.1,8; Лук.3,16; Иоан.1,26; Деян.1,5; Деян.2,2

5

*Огонь(костер)
Камера пламя
Музыка Брамс*

Закадровый текст

Исход гл. 3

2 И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает. Деян.7,30
(30 По исполнении сорока лет явился ему в пустыне горы Синая Ангел Господень в пламени горящего тернового куста. Исх.3,2)

6

Дождь (вид из окна)
Камера дерева, мокрый асфальт
Музыка Шуберт

Закадровый текст

Бытие гл. 6

17 И вот, Я наведу на землю потоп водный, чтоб истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на земле, лишится жизни. Пс.28,10
(10 Господь восседает над потопом, и будет восседать Господь царем вовек. Быт.6,17;
1 Пет.3,20-21)

7

Старый разрушенный дом
Камера стены
Музыка Бах

Закадровый текст

Плач Иеремии гл. 1

1 Как одиноко сидит город, некогда многолюдный! он стал, как вдова; великий между народами, князь над областями сделался данником. Плач 5,8

8

Лето, живые цветы (клумба, поляна)
Камера на цветах(бутоны)
Музыка Шуман

Закадровый текст

Песнь Песней гл. 4

12 Запертый сад – сестра моя, невеста, заключенный колодец, запечатанный источник: Ис.58,11
13 рассадники твои – сад с гранатовыми яблоками, с превосходными плодами, киперы с нардами,
14 нард и шафран, аир и корица со всякими благовонными деревьями, мирра и алой со всякими лучшими ароматами;
15 садовый источник – колодец живых вод и потоки с Ливана. Иоан.7,38

16 Поднимись *ветер* с севера и принеси с юга, повеи на сад мой, – и польются ароматы его! – Пусть придет возлюбленный мой в сад свой и вкушает сладкие плоды его. Лук.19,5; Иоан.16,8; Деян.2,2

(2 И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. Мат.3,11; Деян.1,5; Деян.11,15; Деян.19,6

3 И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них.)

9

*Лето, жара, пыльное шоссе, городская суета
Камера на дороге
Музыка Паганини*

Закадровый текст

Откровение гл. 18

1 После этого я увидел другого Ангела, сходящего с неба и имеющего власть великую; земля осветилась от славы его. Иез.43,2

2 И воскликнул он сильно, громким голосом говоря: пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы, Ис.13,19; Ис.21,9; Иер.50,1; Иер.51,8

3 и цари земные любодествовали с ней, и купцы земные разбогатели от великой роскоши ее. Откр.17,2

НОРА-ПАРНАС (Пьеса)

Действующие лица (они же, случайные прохожие)

ПЛАТОН ДОБРСКИ (поэт)
РИНА (проститутка, подруга Добрски)
ВАСЬКА ГРИН (алкоголик со стажем)
ФИЛОН (менеджер среднего звена)
НИКИТА ШИШКОВИЧ (художник, приятель Добрски)
ЭДУАРД МОЦАХИН (музыкант, приятель Добрски)
АЛЬБЕРТ ПИЧБЕКТОРСОН (аспирант)

1

Старая, заброшенная однокомнатная квартира; пожелтевшие рваные обои на грязных стенах; перекошенное, забитое окно, надтреснутый залитый потолок; замасленная мебель; скрипучий пол, на полу разбросаны бутылки, записки, журналы, книги; в углу разбитый телевизор; тусклая лампочка остывает полусветом, создающим ощущение потерянного пространства дня и ночи. Вваливается Добрски с початой бутылкой водки в обнимку с Риной.

ДОБРСКИ (*откинувшись на диван, нетрезвым, задумчиво-задушевым голосом*). Как неоконченную тягостную повесть... читает время нас... жизнь – клетка... творчество – лишь краткий миг свободы... чем дальше, тем сильнее скрип цепей... и жизни храм – всего лишь сладкий куш... игра измученного духа... любви протёртые страницы... которым воля даровала своеволие... крадутся тени, я одна из них... что множат нескончаемый поток... вопросов и

ответов многозначных...и дым былого, лишь случайный эпизод...что убивает нас иллюзиями страха...

РИНА *(театрально запрокидывая голову)*. Мой мелкотравчатый глупенький бард, жизнь – сплошная проза, поэтому проза лучше продаётся.

ДОБРСКИ *(отхлебнув из бутылки)*. Девочка моя, жизнь – это деление секундной стрелки между мёртвой и ещё не рождённой плотью времени, между прошлым и будущим...

РИНА. Платоша, не гони ...

ДОБРСКИ *(самозабвенно сотрясая бутылкой водки воздух)*. Вот она, жизнь, вот она – сучья правда!

РИНА. Тайм-аут, милый...брейк... Лучше, сориентируй бедную, слабохарактерную жрицу-разрядницу многоконфессиональной любви, где это мы?

ДОБРСКИ *(озадачено)*. Мы...в аду!

РИНА. Уж лучше в аду, чем на улице в минус десять, порожняком морозить, мать их, чресла.

ДОБРСКИ *(осматриваясь)*. Блаженный хаос уединения...

РИНА *(развязно)*. Да...Тихо здесь как-то, аж помереть хочется.

ДОБРСКИ. Т-с-с...Нам будет радость – под ночным покровом...свободной грудью воздуха глоток...

РИНА *(перебивая)*. Ага, или как там, у тебя – нет звёзд, лишь пузырь ледяной пустынного неба. Добрски, ты зачем в этот гадюшник наш бренный прах приволок, а?

ДОБРСКИ. Писал любовь, писал красоту, но дрогнула кисть...

РИНА *(возбуждённо)*. Слушай, засранец, будь так любезен, излагай по-людски.

ДОБРСКИ. Прости. Всего лишь последний штрих к портрету вечера...

РИНА. Так уж и последний...

ДОБРСКИ *(недовольно)*. Вот стервоза...

РИНА. Ага...всё блекнешь в одиночестве хмельном...и в конуру свой превращаешь дом... Знаем, проходили.

ДОБРСКИ. Проходили...проходили...Может ты лучше с малой выпьешь, и сделаешь напряжение своих щекотливых голосовых вязанок менее притязательным?

РИНА *(высокомерно)*. Передавай эстафету, марафонец изустный... Нет бы, давно предложить очаровательной спутнице подогреть хмельком её продрогшее невестребованное сердце... вечно у вас, у мужиков, от замысла до реализации – жизнь проходит.

ДОБРСКИ. М-да... Ты ещё внеси это, со всей причитающейся помпезностью, в свои розовые беллетристические анналы, и книгу желчных афоризмов издай на радость неподъёмной женской доле...

РИНА. Извращенец-с!

Раздаётся глухой удар, доносится отзвук проржавелого осеннего сквозняка. На пороге появляется дрожащий, скверно выглядящий Грин.

ДОБРСКИ. Грохочут конкистадоры... Ты кто, бедолага?

РИНА. Кто, кто, не видишь алкаш какой-то местный, ну или бомж, к которому аппетит приходит вместо еды, родной контингент, только поиздержавшейся поболее тебя, трубадур мой окаянный *(смеётся)*.

ДОБРСКИ *(с иронией)*. Варварским духом разит на переправах латинских.

ГРИН *(лакейски заигрывая при виде бутылки водки в руках Добрски)*. Позвольте заметить ... коллега... весна, как никогда ужасна...

Добрски молча, с разумеющим видом, протягивает бутылку Грину. Грин, присосавшись к горлышку, большими глотками опустошает содержимое до дна. Морщится, кашляет и облегчённо вздыхает.

ДОБРСКИ. Бремя забот минувших прахом рассеял ветер.

ГРИН *(бросая бутылку на пол)*. В опустошённом желании – истинный дар.

ДОБРСКИ. А вы, однако, батенька, я смотрю, философией не брезгуете?

РИНА. Я же говорю, дурак дурака ...

ГРИН *(разомлев и продолжая тираду)*. Безмятежно сердце, расстающегося без сожаления...

РИНА *(негодую)*. Б-р-р-р...

ДОБРСКИ *(косясь на Рину)*. Прощай любовь, прощай прекрасный слог... теперь к тебе я холоден и строг?

ГРИН *(освоившись)*. Я Грин. Васька Грин. Василий Грин.

РИНА. Заметно...

ГРИН. Бывший член...

РИНА. И это заметно...

ДОБРСКИ. Пошлячка.

ГРИН. ...областного союза независимых литераторов.

РИНА. Я бы сказала алкоголезависимых литераторов...

ДОБРСКИ. Платон Добски, очень приятно...

РИНА *(язвительно)*. Да уж, очень-очень...

ДОБРСКИ. ...а эту милую жертву общественного темперамента зовут...

РИНА. Кому как нравится, тот так и зовёт...

ДОБРСКИ. Ну, или для друзей, просто, Рина.

РИНА. Хм-м... нашёл дружков, кифаред забулдыжный ...

ДОБРСКИ. Любезный, а не соизволите ли прояснить двум заблудшим в лабиринтах сладострастия, душам, где мы имеем честь находиться?

РИНА *(саркастически)*. Забыл добавить – и что мы здесь делаем по незабвенной случайности, волею судеб...

ГРИН. Вопрос!

РИНА. Вот Платоша заявляет, что мы в аду.

ДОБРСКИ. Был бы дураком, был бы в раю, и уж точно без твоего скалисто-миловидного мордоплясия, Ринусик.

ГРИН *(озабоченно)*. Честно сказать...буффон его знает...я, было, вышел до Петровны...ну, там, подлечиться с гулькин нос опосля вчерашнего...авось, чаял мужиков своих перехвачу где...ну дверь открыл подъездную, а дальше...всё как в тумане, полный провал, чёрт ногу сломит...

РИНА *(язвительно)*. Ох, ох, ох, как печально...

ДОБРСКИ *(подмигивая Рине)*. Моё погибшее, но милое создание, печаль – всего лишь отпечаток мгновенья...

ГРИН. Так вот, как в воду канул, представляете, амнезия, по самые вёсла...

ДОБРСКИ *(снижительно смотря на Грина)*. Дорогой поклонник Бахуса, берег есть правый, есть левый...жизнь же – река между ними...

ГРИН *(наклонившись к Добрски)*. А вы то, как я посмотрю, никак, притязаете на творческую интеллигенцию в десятом колене, и что здесь забыли-то, любимец муз и прочего бабья *(метя в Рину)*?

РИНА. Спроси, спроси у него *(щерится на Добрски)*, что он в этой норе отрыл, пиит кротовый.

ДОБРСКИ *(возвышенно к Рине)*. Ты смотри в эти контуры мира...как дитя...

ГРИН *(подхватывая)*. В столь поздний час, когда природа...молчит, как будто бы мертва... Это из моего раннего...

РИНА (*недовольно*). Ещё один. А-у-у, мы где, ядрёна копоть, Платошик, меня начинает нервически передёргивать от ваших диалогических пароксизмов?

ДОБРСКИ. Да какая разница, где мы, где мы...

РИНА. Ха...

ДОБРСКИ (*мечтательно*). Представь ... мы затаились...и ожидания час...смирненно служит утешением для нас...выводящих безграничность из бренности...

РИНА (*лихорадочно*). Слушай, родной, будешь своим центральным органом кровообращения в виде мускульного мешка проецировать вечное в свободное от меня время....

ДОБРСКИ. Ринок, ну где справедливость?...на её чаше сердца плач невзрачен...

РИНА. Боже...

ГРИН (*окончательно размякнув от водки*). Хе...Сходит заповедь божья с Моисеевых уст...

РИНА. Васёк, если хочешь поддержать разговор, прикуси свой, заплетающийся сорокоградусным серпантинном, язычок...

ГРИН. О-о-о! Всенепременно, моя лёгкая кавалерия.

Грин, приглушённо пошатываясь, отходит в сторонку. Нависает пауза.
Лампочка на потолке начинает беспорядочно мерцать, лопается,
комната погружается в пустотелую темноту.

2

Добрски, Рина,Грин. Сидят в темноте. Добрски прикуривает.

РИНА. Приехали.

ГРИН. Как сказал бы Китс: “И полночь благовонная нежна...”

РИНА. Будь он здесь, в этом дрянном храме Мельпомены, то точно бы откорректировал свою кисейную музу, в русле – “и ночь зловонная грешна”...

ДОБРСКИ (*с видом знатока*). Дело ясное, что дело тёмное.

РИНА. Оригинал, блин. Посвети лучше, “солнце русской поэзии”.

Добрски подходит с зажигалкой к Рине, та роется в сумочке и достаёт оттуда новую лампочку.

ГРИН (*восхищённо*). Мадмуазель, целую ваше древко...

РИНА. Фу-у-у...мерзость какая...давай, вставляй...и не то, что ты там себе подумал.

Грин вставляет новую лампочку, патрон от старой кидая на пол.

ГРИН. Как родная!

РИНА (*иронично*). Ага, родственница, единоутробная, кровинка, плоть от плоти, Вася, да ты гений!

Добрски подозрительно сверлит взглядом Рину.

РИНА. Не спрашивай...

ДОБРСКИ (*бубнит под нос*). И в этой несговорчивой тиши...к унылым будням с кротостью спешить...

ГРИН. Темнота сближает.

РИНА. Темнота...сам ты темнота...Добрски, пошли отсюда...хватит вынюхивать приключений на свой багажник, по, не в меру, хлебосольным трущобам.

ДОБРСКИ. Кто бы говорил... Риночка, вот смотрю я на тебя, и диву даюсь, как же в таком жалком объёме хрупкой, аккуратной черепной коробочки вмещается всё пёстрое мировое многообразие наслаждений, отражённых в вечной женственности?

ГРИН. Силу и напор побеждают скорость и выносливость, как говорится.

РИНА (*негодующе*). Чтоб ваши мозги, как эта лампочка...а на мои объёмы, пасть не хрен разевать...

Слышится отборный мат. В дверях вырисовывается взъерошенный Филон с толстой папкой бумаг под мышкой.

ФИЛОН (*напряжённо*). Чё за дела!?

РИНА. Пока не родила.

ДОБРСКИ. И слава богу...

ФИЛОН. Это кто...где...почему...?

ГРИН (*комментируя*). Многозначительное благословение, пронзающее безутешный вакуум вековечного холода...

ФИЛОН. А!?

ГРИН. Риночка, ну что вы, в самом деле, поприветствуйте нашего почтеннейшего гостя, со всем подобающим...а то...

ДОБРСКИ. ...безмолвным призраком стоишь...надеждой светишь драгоценной...но молчалива, как луна...

РИНА. Пошли вы на...! Ты кто будешь, товарищ дорогой?

ФИЛОН. Чё?

РИНА. Тоже что ль память не жалуешь?

ФИЛОН. А откуда....

РИНА. Откуда, откуда...откуда и все...

ГРИН. Какими судьбами, каким ветром, за каким чёртом, с чем пожаловали?

РИНА *(смотря на причёску Филона)*. Призрак ядерной дымки...

ФИЛОН. Я!?

ДОБРСКИ *(шагая со всей открытостью к Филону и пытаясь как-то разрядить обстановку)*. А я Платон, Платон Добрски, поэт...

РИНА. Душа, что словами ведала...целительной красоты...

ДОБРСКИ. Не ёрничай, моя падшая гетера. Эта очаровательная блудница – Рина, а этот субъект непомерных возлияний, наш брат по литературному забвению – почтеннейший шатун и побродяга, Василий Грин...

РИНА. Грин...Пис...

ФИЛОН. *(озадачено)*. Филон...

РИНА. А, ну всё ясно!

ФИЛОН. Что ясно?

РИНА. Слышь, Платончатый, прочисть ему жёсткий диск своей филологической эквилибристикой, а то он меня слегка перегрузил этой сугубо глубокомысленной беловоротничковой мордолизацией...

ГРИН. “Чтоб в слове жить, над смертью торжествуя”, Байрон...

РИНА. Байрон у тебя между ног, зелёный ты змий...

ДОБРСКИ. Да, неисправима, чертовка...

ФИЛОН. Кто-нибудь мне объяснит...

РИНА. Ишь ты какой, здравомыслящий, попался...

ДОБРСКИ. Мягче, мягче бабочка моя дорогая, нетленное пламя моей ненасытной палитры...

ФИЛОН *(поёживаясь)*. Не бабочка, а коршун...

РИНА. Ты смотри, он ещё и чувством юмора решил сразить несчастную женщину.

ГРИН *(воодушевлённо)*. Так ум безбрежный с чувствами разнится...Из раннего...

РИНА. Гринок, припозднился ты со своим ранним.

ДОБРСКИ (*принимая миротворческую позу*). Дамы и господа, леди и джентльмены, баста, объявляется ан-тракт...

ГРИН (*ещё более воодушевлённо*). А наливать будут, каких-нибудь шальных рудиментов винных паров не завалялось?

ДОБРСКИ (*улыбаясь*). Поищи у Рины в сумочке... где-нибудь рядом с универсальным полевым набором слесаря-инструментальщика...

РИНА (*кривляясь*). Бр-р-р...

ДОБРСКИ (*принимая вид римского трибуна*). А теперь по существу. Что мы имеем?

РИНА. Вот-вот, ощущение, как будто поимели задарма, Дермосфены недоделанные...

ДОБРСКИ (*не обращая никакого внимания на выпад Рины*). Четыре человека, под неусыпным прикрытием полноводной ночи...

РИНА. ...барахтаются в словесном дерьме...

ДОБРСКИ. ...дислоцировавшись в малознакомом районе...

РИНА. ...на неизвестной высоте...

ГРИН. ...при полном отсутствии горячительных стимулов ...

РИНА. Но ты, спиртуоз!

ДОБРСКИ. О чём это всё нам говорит?

РИНА. О том, что пора отсюда уматывать к едрене-фене...

ДОБРСКИ (*ухмыляясь*). Баба с возу...

ГРИН. И выбор, обещавший грёз канву...сам у себя в безвыходном плену... Из нынешнего...

РИНА. “И нынче каждый конюх – рифмоплет”, Бен Джонсон.

ГРИН (*переваривая*). Э-э-э...Разрази меня гром...

РИНА. Ха...разродился, громовержец бражный...

ФИЛОН (*неуверенно*). А-а...может...

ДОБРСКИ (*бросив удивлённый взгляд на Рину и игнорируя потуги Филона*). Ну, да ладно...Раз мы все перманентно пребываем в полнейшем замешательстве, предлагаю выйти...

ФИЛОН (*грубо*). ...из мрачной клоаки речитативных баталий...

ДОБРСКИ. ...на свет божий, вдохнуть нежнейшего аромата свежескошенной смоляной травы с полночной нивы, и с просветлённой головой...

РИНА. ...разжениться на все четыре стороны...

Что-то сильно ударяет в стену. Филон роняет паку с бумагами. Добрски помогает собирать разлетевшиеся листы.

ДОБРСКИ. Чёрт! Что это? Да тут целый автобиографический повествовательный ряд...

РИНА. Жизнеописатель, блин, говёный...

ДОБРСКИ (*вчитываясь*). Причём...похоже...имеется скабрзная сводочка и на твою несравненную особу, Ринуль...а, ты смотри...и мои что ль, обугленные солнцем попрапия, лавры, не без внимания теплятся...

ФИЛОН. Чё!? Это не моё...где отчёт, мать его...меня начальник повесит за...

РИНА. Ага, а я ему помогу с удовольствием,...а уж в удовольствии, как известно, я секу...

ДОБРСКИ (*замечая мимолетно под нос*). Есть цель, есть результат, но нет удовлетворения, потому что желание безгранично...лавры...лавры...бронтозавры...

РИНА. Добрски, а ты, не льсти себе... Дай гляну...

ГРИН (*испуганно хватая за рукав Добрски*). Эй...что за хрень...где выход? Там за дверью стена какая-то...!

РИНА. ...предстала белым бредом пред глазами винопийцы...Ребятунки, харе дурочку валять, наша залётная свора начинает принимать образ и подобие образцовой психиатрической здравницы.

ГРИН (*истерически метнувшись к забитому окну, пытаясь его безуспешно вскрыть*). Почему окно забито?! А!? Где нах...

РИНА (*легковесно*). Забей...

ФИЛОН. Да какого...ёб...

Ещё один вызывающий удар в стену. Слышатся крики. Резко гаснет свет.

3

Гробовое молчание обволакивающее мясистую влажную тьму. Добрски и Рина. Добрски закуривает.

ДОБРСКИ (*держась бодрячком*). Чертовщина какая-то.

РИНА (*слегка неуверенно*). Добрски, дай сигаретку, что ль...

ДОБРСКИ (*прикуривает Рине сигарету, неловко передаёт в темноте*). На, птичка, развей свою меланхолию забористо-индейской табачной химерой...тьфу ты...что за чушь...

РИНА. Да ничего экзотического, всё трафаретно ...А где эти, двое, из ларца?

ДОБРСКИ. Возгордились в богатстве своем и не удержались.

РИНА. Я серьезно.

ДОБРСКИ. Занимаются единственным оставшимся искусством – приготовлением к молитве.

РИНА. Слышь, ты вселенная отглагольной рифмы, существующая ради самой себя, задрал со своей кустарной антологией афоризмов.

ДОБРСКИ. Да-а, не вытанцовывается у нас с тобой, Риночка, интеллектуальный симбиоз на почве сердечной склонности.

РИНА. Ноги вместе, шашни врозь. Эй, зелень! Фаллос! Или как там тебя.

ДОБРСКИ. Одни ваньки-встаньки на уме – вот она, панельная аттическая соль. Ты зачем Филона обижаешь-то, гурия.

РИНА. Да не важно...Эй, братья по разоружению!

Внезапно загорается лампочка. Филона и Грина нигде нет.
Полутонами проявляются недоумевающие фигуры Шишковича и Моцахина.

РИНА. Вот те раз! Рокировка.

ДОБРСКИ (*ошарашено*). Ба! Какие люди в нашем захолустье! Эдик, Ник! Ринок, ты смотри, медвежий угол прирастает новыми неискоренимыми ветеранами умственного труда на эстетическом поприще... Вас как занесло-то сюда? А где же, в самом деле, этот старый гвардеец Грин на пару с залётным раскосмаченым щёголем, осведомлённым до бесстыдства?

РИНА. Где, где...Гриня, ясно где, на дне бутылки, вон, их сколько погребено жаждущими странниками высокоблагородного алкоголизма, потри какую-нибудь, может, найдёшь этого джина без тоника... А второй дурошлёр...не знаю я ничего...я вообще ничего не пойму ...

ШИШКОВИЧ (*немного акклиматизировавшись*). Добрски, ты? Какого...

МОЦАХИН. Я же тебе говорил, Никита...Сущее – иррационально...

ДОБРСКИ (*шутливо*). Аминь, Эдуардо. Вот, Риночка, позволь отрекомендовать тебе, мой закадычный друг и товарищ, Никита Шишкович, художник во всех спектрах этого слова, и его сателлит, панибратский маэстро, Эдуард Моцахин, музыкант, так сказать, на все двенадцать тонов хроматической гаммы. Но, а это публичное лицо женского пола, достигшее физической зрелости во всех смыслах психоаналитических изысканий, как вы уже догадались, Рина, немного погибшее, но милое создание,...

МОЦАХИН. Платон, дружище, у меня в оркестровой яме центрального отдела головного мозга полнейший диссонанс...

ДОБРСКИ. Мысль формирует реальность.

ШИШКОВИЧ. А где это мы, и как...?

ДОБРСКИ. В разлагающемся бессмыслием бытие, обречённом на выживание...

ШИШКОВИЧ (*указывая на Рину, находящуюся в небольшой прострации*). А что с ней?

ДОБРСКИ. Скорее всего, эта женщина постигает азы искусства молчать и, в тоже время, быть услышанной.

МОЦАХИН. В своём репертуаре...

РИНА (*морщась*). М-да...

ДОБРСКИ. Само красноречье природы раскрывается в фигуре её умолчания.

РИНА. Я надеюсь, ты закончил? Добрски, давай, отдекорируй своё краснобайство – каким-нибудь созвучным ему делом... Я долго буду ждать пока...

ДОБРСКИ. Ожидание – лживо, моя конспиративная Венера.

РИНА. Мне что, ещё бабью слезу пустить над всем этим ералашем...

ШИШКОВИЧ (*улыбаясь*). Скорбящее – значит живое.

РИНА. У меня хоть надежда-то есть, что...?

МОЦАХИН. С ним, боюсь, что нет.

ДОБРСКИ. Когда нет никакой надежды – самое время начать новую жизнь.

ШИШКОВИЧ. У меня такое ощущение, что я твёрдо знаю, кто я, но не могу себе этого объяснить.

ДОБРСКИ. Истина – всегда на шаг впереди её предполагаемого носителя.

РИНА. Платонча, знаешь, ты абсолютное зло...

ДОБРСКИ. А противящийся злу – зло приумножает... Так что...

РИНА. Толстовец дранный...

ШИШКОВИЧ. Поблагодари своего обидчика.

РИНА. Но куда делись эти-то?

МОЦАХИН. Кто? О ком вы? И в чём здесь дело?

ДОБРСКИ (*насмешливо*). Если любишь своё дело – не лезь в дела других, Ники.

РИНА. Да хрен с ними, пропащими... А эти то, что, гуси-лебеди?

ШИШКОВИЧ. А чаво, собственно, мамзель, вас смущает?

ДОБРСКИ (*будто вспоминает*). Как ты говоришь, “эти” . . . ”эти” . . . Как мне кажется, они, всего лишь ловят уникальность живого мгновенья, в житейском море, переполненном товарно-денежной грязью.

РИНА. Хорошо, попробуем с другого ракурса . . . Вы что здесь забыли?

ШИШКОВИЧ. Вообще-то я, просто, спал дома . . .

МОЦАХИН. И я спал . . . пусть и не дома . . .

РИНА. Ага, а мы значит вам тут, понимаешь, приснились!

ШИШКОВИЧ (*садясь на пол*). И даже остановившись, мы всё равно куда-то идём . . .

МОЦАХИН. У вас выпить нет? А то надо бы слегка гармонизировать происходящее . . .

ДОБРСКИ (*наигранно*). К сожалению, некоторое время назад, бледная злодейка пожелала скоропостижно скончаться.

МОЦАХИН. Никит, осчастливь маломочного, многострадального музыканта, сбегай?

ШИШКОВИЧ (*сердито*). Сча, обойдешься . . . Счастье начинается с умения обуздать своё счастье.

РИНА (*дерзко*). Возлюби ближнего своего, ибо он – враг твой.

МОЦАХИН. Милая девочка . . .

ДОБРСКИ. А что там наш незабвенный Василиск кричал про аллегорически замурованную дверь в алкалоидных лучах своего туманного восприятия?

РИНА. По-моему, до метафоры он как-то не дотягивал . . .

ДОБРСКИ. Да, обрастая злободневной искушенностью, теряешь девственность мысли. Пойду, облеку ударным мониторингом это келейное входное отверстие, ведь наши гости как-то должны были материализоваться в этом укромном уголке исконной духовной свободы.

РИНА. Господи . . .

Раздаётся очередной глухой удар в стену, весенним снегом осыпается побелка, тает свет.

4

Глубокий мелодический штиль. Добркси и Рина сидят в темноте.

РИНА (*возмущённо*). Ну, давай уже, Платончик, прикуривай, по старой, так сказать, доброй традиции . . .

ДОБРСКИ (*окликавая пустоту*). Эдик, Ник, вы здесь?!

РИНА (*реагируя на беспросветное затишье*). Похоже, твои ребята решили пойти по следам двух свои славных предшественников и безнадежно канули . . .

ДОБРСКИ. Я падал в ночь свою начальную...

РИНА *(со знанием дела)*. Но ты – не Даниил Андреев ...

ДОБРСКИ *(цедит сквозь зубы)*. Пропотевший уют человеческих стоил и квартирочек...

РИНА *(капризно хлопая в ладоши)*. Свет, свет! У меня уже глаза болят от этой въедливой чёрной мошкары...

ДОБРСКИ *(встряхнувшись)*. Страх перед болью подстёгивает чувственные наслаждения.

РИНА. Ща-с... Раскатал свою кожно-мышечную подвижную складку... Да чтоб мне сдохнуть, если я с тобой пере...

ДОБРСКИ. Совокупление для меня столь же священно, как смерть.

РИНА *(о Добрски)*. ...и не Уолт Уитмен даже...

ДОБРСКИ *(изумленно, пытаясь отшутиться)*. В тебе, моя фурия, никак любовь к медицине в купе с высокой литературой проснулась?

РИНА *(парируя)*. Кто там может говорить о любви их темноты собственного сердца?

ДОБРСКИ. Любовь понимает жертву. Ринуль, пожертвуй мне немного своего человеческого тепла... И, кстати, о темноте, у тебя там ещё, по случаю, в ридикюле, стеклянного пузырька с раскалённым тугоплавкой ниточкой Ариадны, али иного осветительного агрегата не завалилось?

РИНА. Я тебе что, кошёлка какая-то, всполох ты вычурный.

ДОБРСКИ. Каждый видит в другом то – что есть в нём самом.

Расползается кислая пауза. Слышится неуверенное кряхтение и сопение в углу.

РИНА *(окликающая)*. Эй, мудрецы невидимого фронта... как слышно, приём ... это вы там подаёте признаки нездорового образа жизни?

ГОЛОС. Нет, это я...

ДОБРСКИ *(строго)*. Кто я?

ГОЛОС *(боязливо)*. Пичбекторсон... А кто здесь?

РИНА *(резко)*. Здесь совсем не поэтически настроенная Рина с шалавистой квинтэссенцией Платона Добрски, причём оба – по самое “нехочу”...

ДОБРСКИ. Грубовато, но экспромт - одобряю...

РИНА *(плюясь)*. Сам Добрски одобрил! Тьфу-у...

ПИЧБЕКТОРСОН *(испугано)*. Я был в лаборантской, и вдруг...

РИНА. Подробности можешь опустить, здесь всё, как-то – “вдруг”.

ДОБРСКИ. Стало быть, вы у нас, светило науки...

ПИЧБЕКТОРСОН (*скромно*). Скорее, едва-едва теплящийся лучик аспирантуры... я – физик...

ДОБРСКИ. Ринуль, ты за физику или за лирику?

РИНА. Я за физиологию.

ДОБРСКИ. Действительно, и зачем только спрашивал.

ПИЧБЕКТОРСОН (*шёпотом*). Скажите, пожалуйста, а...

РИНА. Помолчи...

ДОБРСКИ (*назидательно*). Res est magna tacere, великое дело – молчать.

РИНА. Ты бы тоже помолчал, для разнообразия.

ПИЧБЕКТОРСОН. И всё-таки, что всё это значит?

РИНА (*нервозно*). Это значит, залепи фонтан и засвети клапан!

ДОБРСКИ. Эдик... Ник...

РИНА. ...и дружки твои какие-то...

ДОБРСКИ. На вкус и цвет...

РИНА. В темноте все цвета одинаковы.

ПИЧБЕКТОРСОН (*кратко*). Джозеф Томсон?

РИНА. Ага... закуси и выкуси... Фрэнсис Бэкон.

ДОБРСКИ (*шокировано*). Не пугай так, солнышко...

РИНА. Эй, Пич... как там тебя... у тебя имя есть, а то от твоего наследственного наименования язык в капусту изрежешь...

ПИЧБЕКТОРСОН (*с гордецей*). Альберт.

РИНА. Значит, Берг...

ДОБРСКИ (*цитируя Бродского*). Я сижу в темноте. И она не хуже... в комнате, чем темнота снаружи...

РИНА. Коль пошла такая пьянка, может быть, Бертик, развлечёт нас, тёмных, какими-нибудь наукоёмкими баснями?

ДОБРСКИ. Например, что-нибудь из разряда terra incognita...

РИНА. На злобу дня...

ДОБРСКИ *(делая глаза на манер китайца и зачитывая из Чжуан-Цзи)*. Чтобы во тьме увидеть свет, и в тишине услышать гармонию....

ПИЧБЕКТОРСОН *(немного заунывно)*. Ну, тогда, подкиньте, материал, что ль, какой-нибудь...

РИНА *(недовольно)*. Иди ты к такой-то матери, материал ему...

ДОБРСКИ *(напевая)*. Чёрная ночь...только...

ПИЧБЕКТОРСОН *(обрывая)*. Могу...

РИНА. Он может! Аллилуйя!

ДОБРСКИ *(остепеняя Рину, насмешливо)*. Что? Уверовала в свет в темноте?

Загорается лампочка и сразу гаснет.

РИНА. Обнадёживающая прелюдия.

ПИЧБЕКТОРСОН. Могу о тёмной материи, немного... Что, рассказывать, да?

РИНА. Давай, сказитель русского Севера, впрягай...

ПИЧБЕКТОРСОН. Э...э...э...э...э...

РИНА. Тридцать первая буква русского алфавита, обозначающая гласный звук. У тебя всё?!

ДОБРСКИ. Рина!

РИНА. У меня всё.

ПИЧБЕКТОРСОН. М-м-м...э...э...так вот...если вкратце...

РИНА *(вскользь)*. Только когда исчезнешь, предупреди, незакономерное ты явление природы...

ПИЧБЕКТОРСОН. Не понял?

РИНА. Проехали...теоретизируй далее...

ПИЧБЕКТОРСОН. Хм-м-м... тёмная материя...итак...как явствует...

РИНА *(нагло)*. Начинать доклад со жратвы, профессор, думаю, не самый подходящий момент...

ДОБРСКИ. Её печаль всё шепчет ей...о днях весеннего ненастья...

ПИЧБЕКТОРСОН (*проглотив кротко предыдущие реплики и монотонно разгоняясь*). Из космологии и астрономии нам известно о форме материи, не испускающей электромагнитного излучения и не взаимодействующего с ним...

РИНА (*манерно*). Да оставьте вы этот академический тон, батенька...

ДОБРСКИ. А тебе что, хлеба и зрелищ подавай из уст астрофизики, расплывшейся крупномасштабной вселенской ухмылкой на тринадцать миллиардов световых лет.

ПИЧБЕКТОРСОН (*продолжая*). ...это свойство вещества делает его недоступным для прямого наблюдения...однако, возможно выявление скрытой тёмной материи по создаваемому ей гравитационному эффекту...не секрет, что тёмная масса взаимодействует с барионным веществом, представляя собой среду со средней космологической плотностью, в несколько раз превышающую плотность барионов...

РИНА (*несдержанно*). Тёмная масса...прямо-таки тёмная месса...жаль, что главного “бариона” мы ещё на заре формирования, так сказать, потеряли...

ДОБРСКИ. Угомонись, мятежная дочь Евы!

РИНА. Ась?

ДОБРСКИ. А коль родилась, спеши к вожделенным воротам Аида...

ПИЧБЕКТОРСОН (*недовольно-сдержанно продолжая*). ...по современным подсчётам обычное видимое вещество составляет лишь пять процентов массы вселенной.....попытки регистрации тёмной материи в земных условиях при редких взаимодействиях частиц с обычной материей, обречены...

РИНА. Но не в нашем случае...а, Платош?

ПИЧБЕКТОРСОН. ...согласно современным взглядам, энергия вакуума определяется локально однородным и изотропным скалярным полем...

РИНА. В дебри-то, не лезь...

ПИЧБЕКТОРСОН (*раздражённо*). Да какого....!

ДОБРСКИ. Вспыхни, пламя зари и гнева!

РИНА (*кривляясь*). Господи, помилуй, Господи, помилуй...

Звучит оглушительный удар в стену, слышится треск, подытоживаемый ослепительной зарницей зажжённой лампочки. Пичбекторсон бесследно испаряется.

5

Рина и Добрски сидят на полу в разных углах комнаты.

РИНА. Очередная, на сей раз, слуховая, галлюцинация драматично перешедшая в разряд залежной мемуаристики. Добрски, пока расцвело, сходи, проведай, да подтолкни что ль эту закулисную старую перечницу дверь, своей позвоночно-барионной глистой...

ДОБРСКИ. Дура...ничего ты не понимаешь...вот, что тебе Альберт говорил... наш видимый мир, такой, казалось бы, понятный и разжёванный до самых косточек, оказывается, лишь незначительным придатком к чему-то большему, из чего действительно всё состоит... а ты...может, мы сейчас с тобой, случайно, оказались в такой точке пространства-времени, где это незримое, становится таким же явным, например, как завтрашнее похмелье Грина...

РИНА. Наслушался этого эйнштейновского лямбда-члена...

ДОБРСКИ. А у тебя, старая, воз и ныне там...

РИНА. Вынь из глаз межгалактический газ, и скобли своим чахоточным маршем на разведку, в духе материалистичного реализма... я уже слишком задержалась тут, чтобы...

ДОБРСКИ. ...а я не хочу смотреть, что там с этой чёртовой дверью, и что там за этим чёртовым окном...неведение и провидение – части одного великого замысла под названием...

РИНА. ...Платон Добрски – человек-импровизация на тему продажной любви в облаках очищенного зелья...

ДОБРСКИ. Шут Мефистофель, дай вина!

РИНА. Сама схожу, лодырь ты бумажный...

Рина встаёт, в этот момент за стенами раздаётся железный голос из рупора, сообщающий, о готовящемся в ближайшие часы сносе здания. Рину передёргивает. Добрски бежит к двери (за дверью стена), с трудом выбивает заколоченное досками окно (там чёрное, молчаливо-бесприсветно пространство).

РИНА. Дохнуло новизной...Вот бя...ство!

ДОБРСКИ. Или, что покрепче...

Рина замирает в тонко-скульптурном окаменевшем образе. Добрски, лихорадочно подсакивая, ферментирует из угла в угол. Затем, зачем-то, подходит к старому шкафу, открывает его, вдыхая туманную пыльцу зазеленелого времени, достаётся из шкафа старинную фотографию в деревянной рамке, пристально смотрит на неё. На фотографии общий снимок: Добрски, Рина, Грин, Филон, Шишкович, Моцахин и незнакомая истёртая фигура. Добрски роняет рамку. Слышится звук битого стекла.

РИНА. Что там?

ДОБРСКИ *(ногой заталкивая разбитую фотографию под шкаф)*. Ничего...преданья старины глубокой...

РИНА *(отвлечённо)*. Придумаешь что-то новое, сразу припомнят чего-нибудь старое...А почему этот-то исчез, и никто больше, в порядке очерёдности, не соблаговолил пришвартоваться на аудиенцию в нашу метафизическую юдоль?

ДОБРСКИ *(суетно)*. Тьма египетская мне в прищур...не знаю...

РИНА. Что ты не особо бойкий на язык стал, добрунчик.

ДОБРСКИ *(в пустоту)*. Родные сестры - истина и ложь...

РИНА (*робко заигрывая*). Джон Донн...

ДОБРСКИ (*перекосившись и изображая биеие колокола*). У-гу... дон-н-н...дон-н-н... дон-н-н... дон-н-н...

РИНА (*сладострастно*). Несчастный Добрски, по всей вероятности, совсем колокольню снесло...

ДОБРСКИ (*в пустоту*). Fortuna miserrima tuta est, несчастливая судьба безопасна.

РИНА (*неожиданно, немного судорожно, начиная раздеваться, словно под гипнозом*). Опасный искус... безопасный секс...

Голос из рупора повторяется.

ДОБРСКИ (*безответно*). Вот и дискурсу конец, а кто слушал... тот и автор...

Застывший безапелляционный кадр: Рина, оголенная до нижнего белья, совершающая змеевидные inferнально-ядовитые телодвижения; Добрски, опирающийся на стену, нарезающий взглядом замшелый вакуум трещащей по швам комнатухи ...медленно гаснет свет... кто-то играет на фортепьяно Шопена...

6

Добрски и Рина, в той же комнате, но с опять заколоченным окном и распахнутой настежь дверью, без признаков загадочной стены; просыпаются в обнимку; в мягком кофейном свете отчётливо вырисовываются признаки бурной ночи на лицах обоих.

РИНА (*скомканным голосом*). Доброе...Мы здесь започивать что ль вчера соизволили, а, барин?

ДОБРСКИ (*хмуро*). А-а-а...

РИНА. Хорошо спалось?

ДОБРСКИ (*альяповато*). Угу...

РИНА. А мне, как-то не очень, в этой замызганной пещере эпохи неолита. Такая дрянь снилась.

ДОБРСКИ. Анна-логично.

РИНА (*передёргивая*). Ага, я логична, как никогда...Ты что это, с похмела, женскую логику решил упразднить?

ДОБРСКИ. Рина, иди к чёрту, не до тебя ...Я похоже в издательство опоздал...

РИНА. Да кому ты там нужен...

ДОБРСКИ. Собственно, никому, но...

РИНА. Вот-вот...

ДОБРСКИ *(закуривая, слегка мобилизовавшись)*. Что тебе снилось-то, крейсер Аврора, поделишься сокровенным?

РИНА. Я поделюсь, тебе ещё захочется, Цирцея, блин, доморощенная... и зачем я с тобой только переспала, ума ни приложу?

ДОБРСКИ. ???

РИНА. Да это во сне, не пугайся, Платончик...

ДОБРСКИ *(обрывая сам себя)*. И мне тоже, представляешь, приснилось, что мы с тобой...

РИНА. Эй, давай не нагнетай... оставь при себе эти фантазмагорические персональные области интимной жизни и свои сексуальные мотивы грёзоподобного преступления по отношению к моему божественному телу.

Рина закуривает. Каждый утомительно думает о своём.

ДОБРСКИ. А зря ты, Ринка, литинститут бросила, была бы сейчас...

РИНА. Была да сплыла... хватит мусолить... лучше пошли отсюда скорей... здесь мертвечинкой пахивает какой-то, и сны идиотские преют на средостеньях, предаваясь бесплодным мечтам...

ДОБРСКИ. А мне почему-то кажется, что мы, только сейчас и уснули... и это всё, и есть настоящий сон, сон, как возмездие.

РИНА. За грехи наши несовершенные... Блин, очнись ты уже, олух царя небесного...

ДОБРСКИ. Что?

РИНА. Добрски, о, боже...

Падает одна из досок, забитых в перекошенное окно,
в комнату врывается распаренный шум проезжей части.
Рина включает плеер, в наушниках играет Шопен.

КОНЕЦ

ЗООЛОГИЯ

Сколько себя помню, рядом всегда были собаки и кошки. Этот тепло-грустный взгляд, пронзительно-потустороннее движение мохнатой пластики на фоне городского скученного оледенения, ненавязчивый симбиоз полудикой природы, архаической памяти и грязно-горячего асфальтового полотна, зацелованного безразличием пыльных подошв с лакированным выражением лица; это краткое утешение для усталой ржавой пружины сердца, отбивающей пульс монотонно скребущихся календарных листков по серой спарже проспектов. Сколько себя знаю, рядом всегда был тоненький ручеёк жизни из ковыляющих лап, маятниковых хвостов, вздёрнутых антеннок ушей, перерабатывающих чёрствый дёрн бледно-песочных обочин в упорное движение бродячей, бездомной души к надежде, повисающей где-то, между антоновскими яблоками церковей и панельными чертополохами спальных районов, с завуалированной ярмарочной вывеской на

громыхающем фасаде: “в здоровом теле – здоровый труп”; и сноской на тусклой полоске загазованного неба, передохнувшего спелым осенним дождём: ”нельзя приручить смерть”.

Конец света – это когда перестаёшь удивляться, когда многомерность пространства ума плавно перетекает в планиметрию окостеневшей аппликации мозга, когда человек, начинает звучать “больно”, и лопасти прокурено-сжатых губ перемалывают всё, что мешает ему быть несчастным. К чему всё это? К тому, что природа, щедро перебирая мыслимое и немислимое многообразие красок в ускользящей временной палитре, всё время готова удивлять саму себя, словно розовощекий младенец смотрящий на собственные ладошки, проживая каждое дуновение – ядовито-красноречиво, эстетически жадно, она желает со светлой печалью делиться, отдавать, жертвовать своей отпавшей и повзрослевшей, до безразличия, ветви-отрасли самое ценное – миф о счастье; пусть это, даже, природа дикой дворовой сказки, но ведь не важно, когда любишь...

СЕРДЦЕТРЯСЕНИЕ ВОЗДУХА

Железные звёзды прошли оболочку сумеречного абажура поседевшей осени, хватив повседневной, повсеместной злости причитающего ветра. Сквозняк рассыпанной мелочи рассеянного сознания зацепился за ветку метро.

Беги, беги, беги дрожащее, червеподобное, абсурдное, беззащитное, мимолётное существо под названием – жизнь. Гроби ненасытной лопатой жалкие окостеневшие пожитки души, возведённой в ранг вещественности с бухгалтерской присыпкой. Отнимай, проедай, прожигай, трать – чтобы почувствовать себя ещё большим ничтожеством.

Обречённая фантазия ума, гнойный нарыв на теле всеобъемлющей девственной пустоты, скоропостижная участь, каприз, расплывчатый горький жребий, нетленная скорбь – неси, неси свою охрипшую глотку к выключенному микрофону, чтобы пополнить гарнитуром безумных, безудержных слов глухой объем искажённого слуха. Сиди на вершине славы, в полном, нерушимом, жизнеутверждающем одиночестве, опоясавшись колючей проволокой дикого лавра, не жалея ни о чём, пой свою исповедь и просто говори себе – я вижу. Это обидно, но это не конец. Лучше совсем ничего, чем что-то посредственное, тривиальное – разрывай в ключья перетянутые, набухшие вены, жилы, мускулы, нервы, харкай смолистой слюной, изливаясь кровавым потом, и просто говори себя – я вижу, вижу, парящую змейку – маковки небесно-лунных фонариков в густом болотистом тумане ночи, в море хронической неустойчивости.

Занимайся насилием над капризными, ускользящими словами, растлением слов, разложением языка, умножением и вычитанием слов, делением и извлечением корня истины, чёрной, как тысячелетние окаменевшие останки, и пусть плоть плодит лекарей, а им вслед дышат болезни, и пусть инстинкт продолжения рода, вырезанный, сродни идолу, на спиралевидных скрижалях твоей ДНК, отомстит тебе, но делай своё дело – плевать.

Поэзия отравившихся мышьяком, перерезавших вены, повесившихся, застрелившихся, выбросившихся из окна, изменённые состояния сознания, красота историй болезни, историй мира, просто, чьих-то скучных истории – возьми себе скуку, скуку – чтобы писать последней каплей воды на высохшем пергаменте древней пустыни, пустыня - это нечто, это что-то, это безусловная работа сердца.

Бойся, только своей тени. Никотин – душа; алкоголь – любовь; алая роза – в груди, выигравшая схватку с наименьшими потерями, она говорит – я творчество, бесполезное, вдохновенное творчество мира, когда ты болен, когда ты исчадие вечного поиска. Не умеешь ценить время – не умеешь ценить жизнь. Опыт – это боль; боль – это мудрость; мудрость – это любовь; любовь – это опыт. Опыт бега по раскалённым углям чужих ладоней, чужих глаз, чужих губ, опыт бега по битому стеклу языков – так беги, беги, беги трепещущее, жаждущее, инфантильное, ненавистное и любимое, сотрясая воздух,

преломляя чёрствый хлеб прозаичности, обретая успокоение в сумбуре знаков и символов гаснущего дня.

Безответно-приручено стихло солнце, на дымящейся улице кто-то обронули молчаливый теплый взгляд, вечер поцеловал первым снегом высокомерное грузное облако зимнего города, задвинув шторы и улегшись на прикормленный диван, включи второй концерт тишины для медленной ленной луны и усни живым сном – всего лишь идёт снег.

MR. БЕЛОЗЕРОВ

Глава I

Шел снег, отдающий дождливым душком осенней гнильцы. Алкогольное теплокровие Андрея позволяло держаться непринужденно и на плаву во враждебной среде вечернего уличного ажиотажа бойких на язык масс. Белозеров сливался с испачканным небом серо-болотным невнятным взглядом и вдохновенно скручивал опостылевшую мысль в один сплошной поток броуновского движения фонарного света. Это был его медитативный бег на месте, его шанс посмотреть на себя со стороны, со стороны обезвоженного луча заходящего зимнего солнца, и получить порцию беглого удовлетворения от осознания своего присутствия на данном празднике растворяющейся плоти.

*Туман сгущался, проникая
Морской волной в его глаза,
В холодный мрамор отраженья...*

Сквозь кремовый ветер, на полуноте, Андрея окликнул изрядно прожженный, бомжеватого вида человек лет -дцати.

- Добрый вечер, товарищ прогуливающийся! Не желаете ли привнести компанейскую искру в одинокий быт творческого человека, и разделить с ним скудную трапезу?

- Выпить, что ли?

- Можно и так сказать, только с одним мелкотравчатым условием.

- Софинансирования?

- В точку, сударь. Как хорошо, когда люди, без лишней аргументации и формальностей, находят общий язык.

- Пошли, бродяга фортуны, у меня, как раз настрой творческий.

*Пьяный ветер, вечер, свищет, ищет
Не покоя, созерцанья, отрицанья, примиренья...*

После чего последовал спонтанный триумф Вахка, подробности которого большими мазками импрессиониста расплывчато проступали в неодоушевленной памяти. Андрей очнулся в неприглядном подъезде ветхой, обшарпанной красками жизни хрущевки, в его глазах мелькали голубые танцовщицы Дега, грезилась разносчица воды Гойи, а по стенам ползали химерические импровизации Кандинского. Творческий оскал трапезы с внезапно пропавшим (как и появившимся) незнакомцем остаточными феноменами, еще давал о себе знать. Просветление рождалось в адских трудах квантовой неопределенности и давило тяжким грузом многомерной реальности. Белозеров сосредоточенно стягивал в легкие саркастический воздух, потерявшего под ногами почву, пространства, и, нащупав непослушными пальцами в кармане куртки надломленную по-братски сигарету, деликатно закурил. Подглядывающая пустота тусклой подъездной лампочки устрашающе пленяла, и изучающе, подыгрывала электрическим тремором. За пепельно-матовым лоскутным окном, шел все тот же сыровато-обезличенный снег.

*Свет, что он оставил вдали,
Ночь, что приснилась арктическим эхом,
Солнце в капле росы...*

Собравшись с силами, на выходе из праздно-сумеречного небытия, Андрей обнаружил себя в теремковом дворике медвяно-детских воспоминаний, пронзенном моцартовскими легкомысленными мотивами. Ты дал ему, чего желало сердце его¹.

Глава II

Изматывающее свежестью утро расплескалось по сонному городскому ландшафту. Ватные дворники, непринужденно упражняющиеся в ораторском мастерстве на спонтанно образующихся уличных форумах, от души материли погоду, политические реалии и друг друга, при этом, с хозяйственно-надменным видом, виртуозно изымали ночные заготовки перепроизводства снежного конвейера вязкого неба. Шапки деревьев увесистым молочно-кофейным бархатом раскачивали воздух. Белозеров, плеснув в ноздри романтического дыхания лилейного сквозняка, зашагал по направлению к первому попавшемуся бывалому ларьку, перекошенному плачевной гордыней ассортимента и впитавшего монотонное одиночество провинциальной палитры.

*Утренний горн, утренний смог,
Багровеет заря, зрячая до горизонта,
Домны не спят никогда...*

Андрей купил самое крепкое пиво, пару пачек сигарет, передислоцировался на жердочку обездоленно-сальной теплотрассы и углубился в исследование супрематических рядов, проистекающих в академически неспешной смене черно-белых кадров, представляя собой со стороны, автопортрет с шеей Рафаэля кисти Сальвадора Дали.

Когда его внутренний эстетический монолог начал уходить далеко за полдень, Белозеров, почувствовав судорожную насмешку из недр пищеварительной системы, взял, пожалуй, единственно правильный курс на заурядное одомашнивание, и начал прилагать усилия по возвращению к скромному вместилищу редкостного съемного уюта.

*Бесприютный угол мертвою петлею,
На порог с метелью падал день усталый...*

Почти возле дома Андрея ожидал легкий женственный surprise² по имени Эльвира – животворящая точка сборки не востребовавшего тепла и любви. Эля, несмотря на все свои внешне респектабельные и аппетитные данные, работала обычным продавцом в типичной книжной лавке, на этой ниве и созрели неоперившиеся плоды их мимолетного знакомства – она обожала читать любительские эссе Белозерова и, по совместительству, секс с Андреем. Именно этой интимно-литературной фреской он частенько и расписывал шатающиеся своды своих досужих минут.

*Рассвет опадающих листьев,
Она была легче тумана...*

После шаблонного обмена любезностями на улице, подразумевающих приглашение на априори незатейливый обед в холостяцком антураже, встреча плавно перетекала в горизонтально-волнительное положение с горячительным финалом и дежурной сигаретой на посошок. Прощание, как всегда, было многообещающе романтично и эклектично. Закрывающаяся дверь ставила объемную философскую паузу, а нервический щелчок замка – поэтически-сакральное многоточие.

Свинцовое время понемногу инициировало свое самоуничтожение. Сквозь дымчатые занавески уже накрапывал вечерний полумрак. Лиловый саван умирающего дня ложился на угловатые плечи опустошенного суеютой спального района, и тишина облизывала кончики губ, свисая комнатной луной с янтарного абажура. Дао пусто, но в применении неисчерпаемо³.

Глава III

Будничная заря нахально обрывала золотые призраки котлованных снов, тоскливо слепя разводы простывших окон. Белозеров, нащупав нетвердым взглядом временной интервал, ленивой тенью расплылся в смутных ингредиентах недосмотренных грез. Скучная рабочая неделя вызывала естественные признаки тошноты, головной боли и вселенского недомогания. Далее процесс восхождения Андрея к ясному уму и трезвой памяти обретал экспрессионистические черты – сигареты натошак, остывшего чая, непослушных волос, бессрочно дырявых носков, мертвенно-раздражающих телевизионных гримас, с пожеланиями приятного дня, хронической нехватки времени, пережаренной яичницы, автобусной давки с нелитературными комментариями боярской кондукторши Рембрандтовского типа, и прочих ситуативных мелочей.

Работа Белозерова-менеджера кормила его многотомным возделыванием офисной документации и любезными, задушевно-деловыми беседами со страждущими. Начальство было, по большинству обстоятельств, в благоприятном расположении духа, потому основную часть трудовых бдений Андрей перекладывал на одухотворенное воспроизведение своих эссе, так полюбившихся незабвенной Эльвире.

*Бился крылом оземь,
Песней ласкал ветер...*

В офисе царила мистически-угольная атмосфера Врублевского демона, уплотненная полутонами пыльных подоконников со стрекочущими лепестками жалюзи и подводным шумом масляных обогревателей. Пластилиновые минуты отсчитывали мерный прозябающий ритм в голове Андрея. Сумбурные потоки клиентов сменялись чередой экстатического вакуума.

*Между строк растерял свою память,
Между дел забегал на декабрьский чай...*

Ближе к пяти в подкорках офисного блюза образовалась зияющая дыра-диссонанс – в двери показался, тот самый, прожженный незнакомец из последних экспериментальных ремарок Андрея в лабиринтах Бахуса.

- Бонсуар!
- Ты?
- Я.
- Откуда...
- Пошли?
- ...творческий настрой...
- Карета подана.
- ...бродяга судьбы...
- Везде на земле я видел караваны тоски и смятенья...⁴

*Шепнув надломленной стрелой,
Смертельной раной стянет вечер...*

Темнеющая мошкара снега блудливо липла к его сквозным ресницам, шоссе петлеобразно сводило хрипом зимней резины. Бонсуар, Адриано! Благоприятно иметь, куда выступить⁵.

¹ Псалтырь 20,3

² Сюрприз

³ Лао-Цзы

⁴ Антонио Мачадо

⁵ Книга перемен

ЭНТУЗИАСТ

Была смазливо-приторная осень. Я встретил Ротозадова на скамейки в парке, тщательно изучающего молодежные экскременты в чугунной амфоре урны. Его интересовали бутылки, обертки, бычки, использованные презервативы и прочие рабочие материалы для, готовящейся увидеть свет, кричаще-новаторской картины, задуманной к скоропостижной выставке художников-авантюристов города Зюминска. Это был человек, во взгляде которого, обреталась вся смысловая нагрузка трагического эпоса бытия, нехитро замешанная на свежеиспеченном перегаре и парочке коронных фраз, о безысходности и величии рожденного летать, но вынужденного склонено ползать кверху брюхом в социальной клетушке массовых условностей.

Лицо Ротозадова, отдающее слюнявым апрелем, было мнительно посажено на ювелирную шею, стремительные глаза прорывали ткань пространства вопросительной искрой похотливой жажды, губы дрожали осенними сумерками подворотен, а нос непрестанно вдыхал аромат сырой славы, спрятавшейся между тоскующей очередью желтушных кленов.

– Здравствуйте, Вы не подскажете, где здесь обретаются гении в поисках нетленных соков божественного вдохновения?

– А, это ты, все шутишь... Ну-ну... Не мешай работать...

– Работа не волк...

– Да пошел ты!

– Конкретизируйте.

– Вот сука, почти собрал образ мозаичного трансцендентного апокалипсиса, вытекающего из принципа круговорота потребительских симулятивных конструктов, а ты...

– Сразу видно интеллигентного человека...

– ... а ты, ты со своей коммуникативно-архаической иронией, можно сказать, на корню вырубил, испепелил в пламени мрачных подземелий Плутонических мифов, облил кислыми сливками обыденного, стереотипного красноречия мой экзистенциальный прорыв в сферы умопостигаемой сущности макрокосма на уровне микрокосма...

– А вы поэт...

–... а ты, дебил!

– Извини, брат, не со зла, каюсь, грешен, прояви снисхождение к заблудшему созерцателю с высот откровения твоего грандиозного поиска, прислушайся к зову, горящего мусорным пламенем, сердца, прими с краткосрочной будничной беседой несмысленное дитя пост-изма, разбирающего архетипические символы твоей светоносной тропы...

– Шо?

– Иди ты...

– Я иду в направлении вихревых потоков мировоззренческих разломов и кризисов, от минимума к максимуму, от низов примитивизма до вселенских энергий существования логоса...

Мой мозг, хмельной от брызжущего влажного ветра, хорошо понимал, что теперь его философский говорящий словарь, изрыгающий вековую пыль мученичества серого вещества на революционные обложки современной парадигмы, было не утолить, не сломить отрицанием всех отрицаний, а потому, оставив гения наедине с собой (своими мыслями, своими будущими, преданными на обоюдную лесть собратьями) я проследовал в направлении резиново-туманной аллеи, слыша надрывисто-экзальтированные отголоски безбрежно-словесно-теоретической импровизации художника-авантюриста из города Зюминска. Мне хотелось спать и писать стихи для детей, как для себя, стихи, не отбеленные в центрифугах литературно-философских кружков, без дотошной стилистики, размера и удушливой формы, не задумываясь о контексте, детерминированном мировой осью вневременных феноменов, благо на этом поприще еще живут и процветают свои непревзойденные энтузиасты.

НАПРАВЛЕНИЕ БЕЗВОЗВРАТНОГО

Я шел по пустынной улице, среди блеклых мотыльков фонарей, молчащих могильников витрин, уснувших клумб и сгорбившихся под тяжестью ночи домов. Мне было наплевать, куда идти, зачем, я просто перебирал ногами в направлении темного сгустка незримого горизонта, уличая туманным взглядом пыль звездных дорожек и серповидную дугу яичного месяца. Дыхание сбивалось в музыку одинокого блаженства вакуума, наполняющего еле уловимым содержанием всю прошедшую жизнь, казавшуюся бесполезной, никчемной, отчасти смутной. В наушниках играл Oasis, рядом бежала игриво-добродушная восточно-европейская овчарка, в рюкзаке плескались южным эхом остатки рубинового вина. Тогда я не знал продолжения ночи, не хотел знать, и эта недосказанность опьяняла.

Редкие прохожие с любопытством рассматривали торчащую из рюкзака, завернутую в газету розу. Я любил дарить цветы, любил это сладкое очарование распускающейся краски природы. Ночь была, как всегда, пленительно стройна, таинственна и гостеприимна, я говорил с ней, говорил на языке немых скитальцев, заблудившихся бродяг, усталых паломников выброшенных с тропы предназначения и она отвечала мне, насвистывая уютной прохладой, шепча косматой листвой на ветреном гульбище. Время обмякло в осознании искренней страсти, черпающей себя из каналов пустотелых проспектов и аллей, живущих своей, отдельной жизнью под покровом темного солнца.

...именно тогда, мне, вдруг, стало чего-то не хватать... Очищенное сердце сжалось в грузной сингулярности безотчетного произошедшего. Тишина обрушилась басистой стеной, внутренний крик разрывал наэлектризованную нервную ткань...

...тогда я потерял себя...

....тогда я обрел благословение жизни...

АНДРЕАС-ДЖОЙС, ЗМЕЙ, КУСАЮЩИЙ СОБСТВЕННЫЙ ХВОСТ

Утро пробивало щель в пьяных занавесках маленькой комнаты. Андреас, скидывая полночную, тяжесть медленно обретал равновесие рассветного счета. Лицо умывал холодный солнечный свет и в голове крутился хаотический восторг от очередной главы Джойса, которую он, по старой трехлетней привычке прочел на ночь. Эти строки вызвали в его сердце такой экзальтированный отклик, что Андреасу порой казалось, будто он наркотическим узлом подсел на фолианты любимого, но мало кому известного писателя. Произведя стандартный ритуал утренних вариаций, Андреас сел в машину и поехал на работу. Сегодня в их отдел должна была прийти на стажировку молодая, обаятельная секретарша. Андреас любил женщин, но последнее время ему как-то

особенно не везло в этом вопросе, и казалось он вообще перестал интересоваться противоположным полом, но вчера все изменилось, когда эта стройное, жаждущее постижения, стержневое создание оказалось за его столом в соблазнительном платье, отбивающим всякую охоту изучать типовое резюме его обладательницы. Эта встреча кричала похмельем медоносных удовольствий, источая романтическое напряжение в животный инстинкт обладания. Радость дыхания наконец-то раздирала скованную грудь и сердце качало огненную кровь по заряженному на взрыв телу. Андреас называл такое состояние ядерной влюбленностью, он любил это ощущение свежести в тридцатилетнем, но уже одряхлевшем сознании и всегда выдавал себя своему окружению извержением бурной, клокочущей симпатии к облегающей реальности. А еще, ее звали... это было его любимое имя, имя которое формировало в фантазиях сплав несдержанной, бешеной, беззащитной тяги и экстатическое наитие венерианских утех....

Смеркалось. Черные ехидины вползали в домашнюю обстановку Джойса, подталкивая его к поиску продолжения своей книги. Он всегда писал по ночам. Он любил умиротворяющую, тихую гавань скучной темноты, разбавленную скрипучей мелодией плафона, льющейся на письменный стол. Сегодня его герой должен влюбиться... Да, пожалуй он непременно влюбится... Сколько можно тянуть ляжку успешного, одинокого коммерсанта и горюющего о прошлых утратах... Нужно придумать ей имя, красивое имя, имя выражающее страсть пустыни в полдничном восхождении, грациозное освещение хрустальных водопадов, таинство лунных мистерий... Джойс откинулся на спинку стула и закурил. По спине проносилась оргиастическая легкость, в глазах стоял опыт ненасытной пламенной любви летних садов и созидающие сюжетные слова проносились в уме райскими, невесомыми голубками. Он ловил их и переносил в свои записи, ровнял, строил, преобразовывал, отсекал, облачал, накручивал сумасшедшей импровизацией. Джойс любил своего героя, он хотел давать ему, только самое лучшее, но иногда не мог, не мог чисто физически, и это его сильно тревожило. Джойс не знал, откуда приходит нетрезвая муза вдохновения, откуда черпают силы духи писательского дерзновения и кто нашептывает происходящее по ту сторону языка. Джойс писал, писал неистово и яростно, писал, излучаясь священной кровью в переплетения фантастических фраз и изображений. Джойс любил свой талант созидать невероятные миры из ничто, он даже не мог представить, что это ничто... он сам...

Андреас-Джойс, змей, кусающий собственный хвост, три года назад умерла его жена, три года назад он понял, он решил для себя, что все в этом клочке жизни, лишь заброшенный богом мираж, включая и его самого. Он принял, что может быть кем угодно, когда угодно, не обращая внимания на то, что творилось прежде, что так долго и упорно работало над его самосознанием, самоопределением и утверждением в глазах правды. Андреас-Джойс нашел свою раздробленную половину...

ТЕОРИЯ ВОПРОСИТЕЛЬНОСТИ

Если одна половина людей живет прошлым (настойчиво смакуя механизмы памяти), а другая часть грядущим (будучи в предвкушении чего-либо или в предвкушении воспоминаний сегодняшнего благополучного стечения жизни), то, что же выпадает на долю настоящего, кто здесь и сейчас членораздельно воспринимает эту реальность, со всеми беспорядочными установками ее жизненных ориентиров, перекрестков, символов. Старик задумался, присел на ветхую лавочку, закурил, бросил взгляд на пробегающую ошетиленной тряпкой кошку и углубился в чтение накопившихся за долгие годы мыслей. Подул свежий, нежный ветерок и на глаза слезой скатился туманный образ детских призраков, переплетенных суевериями, преданиями и древними рассказами о колдунах,

ведьмах и прочей подобной нечистой компании, обитающей в эфирных плоскостях сновидений и лесных трущобах первобытного страха.

Простит ли Господь милостью своей творение рук своих, дьявола, отступника, павшего ангела, если тот принесет ему свое раскаяние? Вот человек грешный, он ведь с чертом одним рассудком повязан выходит, а все же на отпущение, какую-никакую, надежду имеет, а как же последний, на что ему, бедолаге надеется, рассчитывать, уповать. Получается отсутствие надежды и есть дьявольская отличительная масть, но, вроде как, Сенека говорил, что кому не на что надеется, тому и не в чем отчаиваться, чем не безоблачная сфера бытия...

Старик отвлекся на просвистевшую мимолетом воробьиною разнородную гурьбу и с радостью отметил, что его ноги сегодня ноют не так уж утомительно, а это означает бесценную возможность для короткой прогулки. Шаг, другой, третий, каждое движение старика складывалось в упрямый ход незримых отголосков его прошлого и размышлений о последнем часе.

Если человек умрет, так и не познав до конца, для чего, собственно говоря, он жил, какой смысл в таком малосодержательном существовании и порядке вещей, какое добро он унесет с собой в небытие? Вот испытает он любовь, ненависть, разлуку, предательство, счастье, разочарование, довольства и блага все, а к чему они все были приложены, так и не определится, хотя, может и не надо так заострять, а плыть, грести такт в такт, течение само вынесет, река подберет да выбросит...

Старик дошел до рваного забора. Предел, граница, рубеж... Ясное небо свалилось пропастью сапфира, высота завораживала и пугала, она была прекрасна и в тоже время тяжела своим распростертым величием для гравитации его осознания. Молодость всегда парит, старость стелется по накатанной. Потешная дворняга, празднично виляя огрызком хвоста, липла к старику взъерошенной, приветливой мордой и лизала его черствые, мудрые руки.

Откуда эта преданность? Если принять, только за звериный инстинкт, о, это великий инстинкт, ежели хитрость – это святая хитрость... Нет, пожалуй, тут все одухотворение природы, громадное сокровище в былинке неприметного естества, ласковое назидание. У старика закружилась голова от расположения и симпатии, приливших теплой кровью к пронизывающим тайной смесью глазам и он повернул обратно к своему тихому убежищу смиренной души. Медленно и мирно шуршали старинные подошвы его сердца. Старик жил прошлым, жил предвкушением окончания, старик жил, пока еще спрашивал себя...

Оголтелые, юные, красочные мечты захватывали с головой бегущего на встречу солнцу цветущего юношу. Он был полон сил и энергии штормовых выхлопов жизни. Вокруг плескалось сочное лето, душа описывала в воздухе мертвой петлей любовное самозабвенье. Юноша знал свое завтра, он видел его отчетливую форму в золотой оправе, и сладость созревающих в янтаре плодов будоражила молодые глаза огненной испариной. Весь мир лежал у его ног, и казалось, что так будет всегда, ибо протяжное время прогибалось под необузданным, дерзким восторгом и дарило ему бесконечность родникового дыхания. Юноша сливался с круговоротом внутреннего света, он был счастлив, счастлив не знать и не думать о чем-то, что уже пускало едкие корни в его аккуратном, прозрачном, наивном, трепещущем подсознании. Конечно же, с одной стороны, неопределенность будущего слегка пугала, но с другой, белокаменные ореолы воздушных замков заставляли подвигаться в полной уверенности, в полном созвучии со своим предназначением, предназначением жадно хватать каждое знамение пылающей судьбы, и свободное, дикое поле оплетало яркими гимнами горизонты его видений. Однако, в глубине души, юноша не мог не думать о чем-то, что его престарелый дед бормотал перед смертью на остывающей постели. Незримой занозой сидели в нем эти причитания умирающего человека. Дед всегда был довольно благоразумным и рассудительным (во всяком случае, как казалось юноше), и вот прощаясь с этим миром,

взволнованными, дрожащими губами он прошептал ему одно единственное, поразившее его, слово, один вопрос...Зачем? И сам же, уже в невменяемой лихорадке, отвечал себе охрипшей, болезненной флейтой...Не знаю...но это прекрасно...и оттого, так ужасно...так прекрасно...

СТРАХ

Боже, думал маленький человек, боже, как же страшно жить, как невыносимо просыпаться изо дня в день и погружаться в этот социальный дарвинизм, постоянный надзор вездесущего общественного мнения и строгие правила человеческих коммуникаций. А беззаконие этого города, как с ним бороться, есть ли здесь хоть капля справедливости и благородства, любви и правды, ведь он всегда мне лжет, всегда обманывает сладким привкусом красочных стеллажей, на которых с холодным расчетом расставлены ядовитые колбочки ненависти. Боже, куда все бегут, куда все катиться, кто-нибудь знает, у кого-нибудь есть мысли по этому поводу, зачем это беспорядочное движение, этот живой поток, съедающий последние остатки хладнокровия сердца, что подхватывает тебя, словно эфирное перышко и несет следом за собой в хаос должностей, инструкций, прав и чертовых свобод, на которые всем наплевать. Как страшно, жутко страшно сливаться с этим ураганом существования, маскироваться под одного из них, прикидываться деталью, звеном, составной частью машины бытия. Интересно, что будет, когда закончится бензин, пейзаж наводнят апокалипсические пророчества фантастов и тогда воздух станет чище, прозрачнее и безмятежнее, или все обворочит тьма, беспроглядная, всеохватывающая, смертельная тьма, созерцающая саму себя. А будет ли там Бог, а может его уже нет, он бросил нас переваривать друг друга в собственном соку, он устал возиться с человеческим отрицанием и отвержением его любви. Нет, он там будет, но только без свидетелей и пророков, как самодостаточная субстанция мира, как идеальное воплощение жизни без ее биологической постановки. Да, страшно, страшно думать, вдруг мои мысли прочтут, вдруг мои потаенные желания вскроют на всеобщее обозрение и куда деться, куда спрятаться от навязчивого преследования обличающих глаз, только внутрь себя, закрыться в собственном сердце, отгородиться от суеты движения в оледеневшее молчание, в безумие. Эй, там, прохожий, какой же ты чужой, я всегда очень остро отмечал эту черствость и сухость в тебе и в тебе-другом, и в другом-другом, все лица одинаковы, когда попадают на крючок. А я, нет, уж лучше сторонкой, сторонкой, сторонкой от страха... Охлажденное небо сгущало краски, пунцовое солнце клонилось к закату и травяные хлопья деревьев лизал волнующий майский ветер. Маленький человек стоял на краю крыши, маленький человек собирался сделать большой шаг в неизвестность...

ТРАНС

Было видно, только, как одинокий горизонт разрывает потускневший выхваченный кадр неба-земли, впиваясь в пустоту немого пространства. Сонная духота неподвижного мира, иного восприятия, иной разрешающей способности глаза. Под ногами лежал оледеневший туман, над головой замерли капли дождливой смуты, воздух цепенел мертвой тишиной. Здесь не было слов, здесь не было музыки, и механизмы времени теряли свою необходимость. Это были абсолютные владения погибшей фантазии природы. Она отказывалась больше думать о продолжении карнавального игрища своих сил, которые это двуногое, так настойчиво пыталось приручить, поставив себе в услужение. Какая наивность и высокомерие. Она демонстративно легко дала сбой, убила всякое дальнейшее построение замыслов и уснула до лучших времен.

Босой человек в черной шляпе и белом пальто предметно стоял посредине этой театральной паузы, он так же не шевелился, как и вся обстановка его окружающая, но продолжал думать, думать несвязанной мыслью (так как зацепиться ей было не за что) обо всем происходящем и никак не мог понять, а зачем он вообще раньше жил. Он не мог принять себя в своей памяти, но еще более он по-прежнему не принимал то, что дало ему эту память, вина в случившейся катастрофе абстрактную несправедливость жизни.

СУМБУР

Однажды утерянное, вдруг возвращалось к нему летним земляничным дождем. Сквозь кофейные облака прорезалось желтое оперение солнца, а бриллиантовые лужи выдыхали жаром пропеченной земли. Лето плело горячие соцветия лугов и сонную гладь озерных зеркал. Когда он это потерял, наверное, очень давно, а может быть недавно, но главное, что оно вернулось, вернулось ощущение многомерного пространства жизни. За каждым движением ветра усматривалась глубокая истина фантосмогорического возрождения сердца. Любовь давалась непринужденно, всепроникающей сладостью цепляясь за глаза, ныряя в слух шорохом листвы и прикосновением травы. Небо приближалось решительным маршем и растекалось в осознании дневного пиршества, то ли вдохновением, то ли хмельной беззаботной флейтой.

Он забрался на болотный холм и огляделся. Вокруг не было никого, кто бы мог прервать медитирующую струну плавной мысли, абсолютно никого и это его насторожило. В следующую минуту он сбежал вниз и громко крикнул, но ожидаемое эхо утонуло где-то в туманном котловане горизонта. Он побежал, побежал что есть силы, сбивая дыхание и спотыкаясь о необъяснимый страх неестественного одиночества. Но чем дальше он удалялся от малахитовой высоты, тем явственней обнаруживал, что ничего не меняется, пейзаж с завидным постоянством упирался все тем же эмоциональным благоуханием обугленных туч с янтарными солнечными порезами, мозаикой лугового ожерелья, и озерными ультрамариновыми колыбелями водной прохлады, а холм, будто приклеенный, сцепленный воздушным воском, грузно смотрел ему вслед, не увеличиваясь и не уменьшаясь в размерах.

Он остановился, замер, перестал дышать и с удивлением открыл, что дыхание ему уже не требуется, за него дышала сама жизнь, а он, лишь как некая составляющая, мазок краски на холсте великого художника, отпечаток чьего-то замысла, скользит в просторах его идейных композиций, скользит неподвижно и свободно. Да, кажется, он догадался. Здравствуй, смерть!

КРУГОВЕРТЬ

Но никто не хочет и думать о том,
Пока "Титаник" плывет...
(В.Бутусов, Nautilus Pompilius)

В погоне за временем убегаем от себя. Не дышать нельзя, но можно дышать в унисон, а не задыхаться кислородной подушкой самообмана. Вся наша беготня – это форма, не обремененная содержанием. Есть эфемерная цель, потом появляется результат, но человек уже не в состоянии получить удовлетворения от завершения устремления, его гложет новая жажда, он не успевает насладиться плодами своей работы, потому что эти труды по существу пусты и поверхностны. Затем человек начинает смаковать прошлое, свои заслуги и достижения, свои награды и отличительные знаки, но прошлое – это всего лишь прошлое, оно там, за пределами видимости, есть ли до него какое дело настоящему. Жить

в настоящем умеют единицы, в остальном большинстве человечество несчастно, своим же беспокойным сознанием стряпав это несчастье и возведя его в ранг счастья, мы копим эту пыль заблуждений всю жизнь.

А зачем все это? Зачем каждое утро разгоряченная толпа несется на работу, мнет бока в транспорте, просиживает в пробках, создает видимость кропотливой деятельности и коллективного духа, заигрывая с бестолковым начальством, копит, копит, копит... Ответ, само собой разумеется на языке, прокормить семью, себя, собаку, кошку, рыбок, иметь возможность приобрести, сходить, блеснуть и также быстро погаснуть, когда все естественным образом закончится или элементарно приесться. А что дальше, а где дальше, а для чего дальше?

В прошлом, один из представителей “олигархической” династии Морозовых застрелился, пытаюсь ответить на этот вопрос. Мы боимся этого вопроса, или делаем вид, что его просто не существует, что это не более чем философские бредни, ересь и вздор, мешающие “отличникам боевой и политической подготовки” прорубать тропинку к светлой мечте, сошедшей на нас с медиа-небес. Я бы сказал, что мы не живем полноценной жизнью, а выживаем бессмыслием своего существования.

Есть правда любовь, но что мы знаем о любви? Мы хорошо знаем привязанность, долг, страсть, влечение, симпатию, ненависть, гнев, это все известно, но мы плохо знаем себя, либо вообще не знаем, так как мы можем говорить о любви из темноты собственного сердца. Еще раз говорю, мы не знаем о любви, того, что она заслуживает могуществом своего влияния и силы воздействия на мир, на жизнь, на смерть, на все.

Двигаться дальше, двигаться дальше -
Как страшно двигаться дальше...
(Б.Г., Аквариум)

Выбирает ли человек себе путь в жизни, или жизнь находит человеку место? И то и то верно, кто верит, что дорога его предопределена, тот во всем найдет подтверждение своих слов, кто верит, что все в наших руках, тот любую случайность обратит в тесто для собственного пирога. Но одно бесспорно, любой шаг влияет на последующий, и череда этих цепных реакций и взаимодействий преследует нас всю жизнь. Будда называл это Кармой. Наиболее актуально это проявлялось в мировоззрении символистов. Всякое дело в зависимости от его направления в положительную или отрицательную плоскость влияет на ситуацию в будущем с тем же знаком. Все уравнивается и приходит к срединному показателю, если нашел, то потеряешь, если злословишь, будешь обруган, “если-то” - вот принцип бытия в котором купается судьба человека. Поэтому начните сейчас, ибо сейчас уже непосредственно работает на завтра, а ваше завтра будет отражать ваше сейчас. О чем я, что начать, с чего начать? Да что угодно, лишь бы оно было ваше, исходило из души собственной, а не приносилось извне, не навязывалось, иначе отчуждение разрушит и без того зыбкую почву под ногами идущего. А хотим мы того или нет, мы идем, пусть не знаем куда, но идем и будем идти, даже остановившись, мы идем бессознательной походкой к прозрению или затмению, к созиданию или разрушению. Одно ясно, что все мы движемся к смерти и это должно заставить задуматься о пути, задуматься о себе для себя, а не о том, что я из себя для других.

Я завтра брошу пить, вот удивится свет...
(Ю.Шевчук, ДДТ)

Приятно ничего не делать, не к чему не стремиться, не за что не бороться, жить не для чего-то, а просто потому. Я так не умею и это моя слабость. Надеюсь скоро научусь, научусь у того человека, который приходит на работу и просто сидит на своем чугунном стуле протирая дыру в стене взглядом и наслаждается симуляцией отнесения себя к трудовому сообществу в противовес безработным, научусь у того пьяницы, который много знает об этой жизни, но ему, как всегда бывает не повезло, а оттого он много пьет и в момент опустошения очередной дозы, все таки видит свое пусть и жалкое, но просветление, научусь у дворника, стойчески метущего мусорную кашу по дворам с видом безмятежного монаха отшельника (а ведь это есть настоящий труд, не передвижения офисных тел, бумаг, аналитики, прочего хлама в четырех стенах и по оптоволоконным кабелям). Бездействие – это тоже своего рода деятельность, мы не можем абсолютно бездействовать, что-то в нас продолжает работать, там, на глубине, в кладовых мозга кипит незримая работа, но большинство рассматривает ее, как леность и праздность. А ведь это довольно тяжело продолжительное время быть безучастным ко всему происходящему, человек в конце концов начинает искать себе выход, порой неадекватный, импульсивный, идиотский, ведь не может он просто так существовать в бездействии, ведь он не видит себя, ведь он не чувствует собственной значимости. Из этого вырастает насилие, глупость, обреченность, так раскручивает свое жало порочная стезя Я-тени.

Хочется молчать и быть услышанным, молчать, не желая коммуникаций и взаимодействий, молчать, просто молчать жизнью, ради счастливой жизни, но получится ли в этой жизни, где молчание расценивается как слабость, как хилость ума, как недостаток мыслительного автомата.

Тишина так осязаема, когда научишься ее слушать, но можно ли слушать тишину в какофонии городского безумия, можно ли пить ее сладкую плоть в грохоте и шумовой завесе злословия и ненависти потребительской клоаки. Тишина так тонка, ювелирная тонкость, но мы привыкли кричать, кричать изо всех дыр, по любому поводу, и мы кричим, срывая глотки, а тишина поет, поет соловьиной молитвой мимо наших ушей, мимо наших дорог, мимо нас не услышанных вечно.

Все, брат, прорвались, прямая дорожка!

Вольное место, да в небе луна...

(Г.Сукачев, Бригада-С)

Интересно наблюдать за собой, делать выводы, опять же наблюдать и делать уже другие выводы, еще раз наблюдать и не понимать, как можно было раньше так рассуждать или напротив удивляться своей пронизательности. Человеческое существо многомерно, всегда неповторимо в каждый отдельно взятый промежуток времени, настроения, погоды, обстоятельств, поэтому когда меня просят рассказать о себе, обличить это в формат “какой я”, это вызывает у меня недоумение. Одно хочется вдолбить в голову собеседника: я разный! Нет меня хорошего, нет меня плохого, нет меня специалиста, нет меня бездаря, я то, что я есть на данный момент во всей совокупности переменных величин, образующих этот момент. Да, есть какое-то ядро, вокруг которого обвивается эта паутина личностных образований, поведенческих актов и прочей научной мишуры, но это ядро скрыто так глубоко от посторонних глаз и так интимно дорого мне, что непосредственно выкладывать его на всеобщее обозрение, чтобы каждый ошупывал и разглядывал прищуренным, оценивающим взором мой внутренний костяк, у меня нет никакого желания.

Каждый видит во мне то, что присутствует в нем, или точнее сказать так, как он может, исходя из своего внутренней состоятельности и ценности. Поэтому я не только разный

для себя, в себе, но и будь я хоть непреложной константой, я был бы множественен в глазах других.

Несмотря на все это я никогда не отказываюсь, не отвергаю свой прошлый опыт, опыт своего мирозерцания, отношения, решений, все произошедшее подчинено моему порядку и своей закономерности, не ведомой мне, но именно такой, не иначе, какой она должна была предстать в моей жизни, пусть выбрал я ее, или она свалилась мне на голову божьей милостью, это уже вопрос интерпретации. Я уверен в себе, потому что я уверен в том, что все это не просто так, это все по наитию чего-то выходящего за рамки понимания, я верю этому, хотя и не подозреваю, что бы это могло быть.

Я серый голубь.

Я самый плохой, я хуже тебя

Я самый ненужный, я гадость, я дрянь

Зато я умею летать!

(П.Мамонов, Звуки Му)

Страх гонит человека, страх перед смертью к выживанию, страх перед болью к чувственному удовольствию, страх перед трусостью к отчаянному бесстрашию, страх перед негативным откликом к ублажению деревянного правила и сладкому звучанию в его купальне каждой ноты, каждого слова. Поэтому немного о рецензиях, критике и прочей галерочной составляющей поэтического ремесла. Что за дурацкая привычка разбирать все по косточкам, словно попал в филологический кружок, я пишу, как чувствую, как пробую, как слышу, как ощущаю, все просто и не заморочено, зачем искать в каждой букве и запятой смысл, это дело не благодарное, есть общая картина, есть общее настроение, есть свободное и легкое течение словосочетаний, пусть и без литературных изысков в классическом понимании, но свое собственное, родное, а не приносное, срисованное, подражательное.

Лучшее, что дал Бог человеку – это природа, так зачем идти против собственной природы, против собственного сердца, потакая ученой грамоте учебников и неудачников писак, которые выбившись в критиканы разбивают в пух и прах всякое новшество, всякое не вписывающиеся в их узкие рамки смелое начинание, я здесь не говорю о бездарных первопроходцах, превращающих творчество в бессмысленный фарс, я имею ввиду то, что, можно сказать, режет слух, но мысль лелеет, это звонок в будущее, в то время, как славные ценители и просвещенные мужи застревают глубоко в болоте прошлого, откуда их вытащит разве, что умудренный надзиратель из их сословия, стоящий на ступени выше и случайным, волшебным образом снизошедший до свежего веяния.

ПРИТЧИ

Мудрец

К учителю пришел его лучший ученик и спросил:

- Учитель, я изучил все науки, я знаю все священные тексты и законы, могу ли я теперь называться мудрецом?

Тогда учитель ответил:

- К моей скорби я оказался никчемным наставником, ибо ты стал еще глупее, чем когда впервые обратился ко мне.

И с этими словами учитель прогнал своего ученика.

Боль

К лекарю обратился весьма больной человек и справился:

- Сколько я смогу еще терпеть эту боль от своего недуга?

Врач отвечал:

- Это не ты ее терпишь, а она тебя и как только ты в своей агонии станешь невыносим, она покинет тебя.

Убийца

К судье привели человека убившего своего соседа. Судья обратился к народу:

- Хотите ли вы, чтобы я приказал повесить его?

И все закричали:

- Да, повесь его!

- А желаете, чтобы я отрубил ему голову?

Все взревели:

- Да, отруби ему голову!

Тогда судья заметил одиноко стоящую и безмолвствующую в шумящей толпе женщину. Он обратился к ней:

- Женщина, кто ты и почему ты молчишь, когда все желают смерти убийцы.

И та, расплакавшись, отвечала:

- Я жена убиенного этим человеком, а молчу я потому, что этот ревущий народ нисколько не лучше самого убийца.

Ученик

Молодой ученик пришел к мастеру и сказал:

- Я хочу обучаться твоему искусству, возьми меня к себе.

- Нет, ты мне не подходишь, - ответил мастер.

- Постой! Но почему? Ты должен хотя бы испытать меня! – воскликнул юноша.

- Ты уже сам испытал себя, не приняв мой отказ с подобающим достоинством, - отозвался искусник, оставляя юного ученика.

Великая книга

В книжную лавку пришел человек и попросил торговца продать ему самую великую в мире книгу, исполненную всей человеческой мудрости. Торговец же ему ответил:

- Я не могу продать ее тебе.

- Но почему? – удивился человек, - у меня достаточно денег чтобы озолотить тебя.

- Потому что она у тебя уже есть. Это твоя жизнь, а ее страницы выписаны в твоём сердце, просто видимо до сей поры, упиваясь цветной обложкой и красочным переплетом, ты даже не потрудился заглянуть в них, а там то ты, и найдешь все то, что ищешь на стороне.

Время

В дом мудреца пришел гость. Недолго пробыв у него, он заметил одну особенность, все часы в доме стояли, о чем и не преминул спросить мудрого старца.

На что тот ответил:

- Я и так потерял слишком много времени впустую, чтобы еще и смотреть на часы.

Смерть

Сын стоял у постели умирающего отца и горько оплакивал его скорую кончину. Тогда отец сказал ему:

- Не плачь и не печалься, сын мой.

- Но, как же я могу не горевать, когда ты стремительно покидаешь меня? – озадачено вопрошал сын.

Отец с трудом приподнялся и ответил:

- Ты живешь для того, чтобы не умереть, а я умираю для того, чтобы жить, жить в сердцах близких и доброй мирской памяти.

Тогда сын все понял и принял покой в своих мучениях и стенаниях.

Брюзга

Один человек постоянно поносил и бранил окружающих. Однажды, из-за пустяка он сцепился с монахом. Как и прежде он поливал его грязью и кричал в неистовстве всевозможные ругательства, на что монах, молча выслушав его, сказал:

- Да, пожалуй ты прав, но как же столь непорочный человек, как ты, может вообще иметь дело со столь нечестивым монахом. А может, если ему абсолютно нечего сказать благопристойного о других, то это есть наилучшая характеристика его самого, ибо возможно ли среди вороха гнилых плодов, одному остаться по прежнему зрелым и сочным.

Тогда злившейся человек в сомнении замолчал и ушел, и с тех пор больше никого старался не беспокоить.

Одиночество

К старику-отшельнику приехал в гости его родственник из крупного поселения. Зайдя на порог он приветствовал старика и завел следующую беседу:

- Ты не устал от одиночества, здесь, в пустынных горах, где не сыщешь не одной живой души для разговора и времяпрепровождения?

Старик отвечал:

- Я не одинок, я каждый день слушаю пение птиц, сладкозвучное журчание ручья, я общаюсь на прогулке со своим верным псом, я люблюсь алым закатом и встречаю бурлящий рассвет, я дышу чистотой гор и этим я счастлив.

- Но ты же совсем не видишь людей, - с сомнением проговорил родственник старика.

- В городских стенах, за которыми ты живешь, в многолюдной толпе, вы еще более одиноки, не замечая друг друга за бесконечной суетой и повсеместным непониманием. Твое одиночество исходит от людей, мое же знаменует истинный вкус к жизни, - отвечал старик.

С теми словами родственник понял, как он и многие другие ошибались.

Блудница

Одну блудницу часто спрашивали:

- Не стыдно ли тебе заниматься этим развратным заработком?
- На что та всегда отвечала:
- Любовь дает жизнь всему живому в природе, я же дарю любви жизнь в мертвых и обессиливших человеческим существом душах.

Поэт

- Как-то одного поэта спросили:
- Правду ли говорят, что когда вы пишете, то будто бы общаетесь с самим Богом, либо сам Бог говорит вашими устами?
 - Вовсе нет, вы ошибаетесь, - отвечал тот, - просто, это Бог наказывает меня за мои грехи таким образом, что я начинаю чувствовать и воспринимать жизнь с такой острой страстью и проникновением, что есть вероятность сойти с ума, ежели не придать все мое жалящее мироощущение на откуп вдохновению и поэтическому провидению.

Алхимик

- К одному царю привели старика, который утверждал, что знает великую тайну превращения металла в золото. Царь попросил старика:
- Открой мне тайну, алхимик, и до конца дней своих ты не в чем не будешь нуждаться, и воздавать тебе буду только царские почести.
- Старик отвечал:
- А готов ли ты ради этого знания пожертвовать своей властью?
 - А ты наглец! – возмутился царь, - я могу немедленно приказать, чтобы тебя наказали.
 - Нет, ты, не можешь, - сказал старик, - ибо мое тело не признает боли физической, так как до самого дорогого, моей души, не у кого не найдется владычества, а какое мне дело от лишений, которым грош цена.
 - Ты умный человек, пожалуй, я отпущу тебя, и ничего не потребовав взамен, даже вознагражу, – смиловался царь.
 - Благодарю тебя, вот ты и узнал секрет, который жаждал заполучить, ведь твои угрозы, лишь пустой кусок ржавого металла, но их ты превратил в золото, посредством явленного великодушия и милосердия.

Крылья

- Жил один юноша, который очень хотел научиться летать, как птица. Он решил обратиться к Богу с просьбой, чтобы тот даровал ему крылья, как и у его ангелов. Целыми днями он молился и просил только об этом. Тогда Бог сжалился над ним и наделил юношу прекрасными белокурыми как снег крыльями. Заполучив их, юноша торжествующе побежал к краю скалы, прыгнул вниз, но не смог сделать не одного взмаха, так как не знал секрет полета и разбился.
- Так и мы иногда просим, но не знаем, чего конкретно хотели бы приобрести с тем, а заполучив, не находим тому достойное применение.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Мудрость – это правильно переосмысленный опыт.

Человек хочет знать все, а в итоге, не знает самого главного.

Как мы относимся к другим, так чувства греем и к себе.

Как в тех нуждаемся мы,
Кто бы в нас нуждался.

У любви две стороны, но обе лежат в одной плоскости.

Не от того ль мы так щедры,
Что щедрость скупость утешает.

Отдавая, получаешь вдвойне.

На самом деле все не так уж важно,
Как важно отношенье ко всему.

Жизнь одна - интерпретаций много.

Если б хотел, давно сошел с ума,
Но предрассудки и тому мешают.

Плохое тянется к плохому,
Хорошее ж подобие найдет.

Красивое вызывает во мне радость, безобразное же, заставляет взглянуть на себя со стороны.

Стремления несут собой плоды,
Но перед случаем и их труды бедны.

Болтун так много говорит из страха,
Чтоб не подумали, что нечего сказать.

Гордыня слабости упорно прикрывает.

С каким же рвением в других

Свои мы недостатки ищем.

Азарт попутчик неудачи.

Как плохо без всего того,
Что лишь недавно нам приелось.

Порой, рассудочные люди,
До безрассудства умудрены.

Себя любить конечно хорошо, но вот другим от этого не слаще,
Приходится пороком нарекать, душевное здоровье человека.

Забавная штука - жизнь, чем больше ее оплакиваешь, тем больше она над тобою смеется.

Все постоянство человека, в непостоянстве чувств его.

Когда внутри таятся перемены,
То мир вокруг меняется подстать.

Глаза закрыв, не одолеешь страха.

И смело ходим мы по краю,
Пока высот всех не познаем.

О, память, чудный инструмент,
Один момент, и ее нет.

Торопитесь, не спеша.

Люби себя, но не влюбляйся.

За жертвой малой держим куш большой.

Играем роль, желанную кому-то,
На жертвенный алтарь естественность отдав.

День ясный, легкий дождь не омрачает,
И в чистой совести душа злословью вслед,
Лишь улыбается, сочувствие неся.

Искренне радоваться счастью других, происходит из умения быть истинно счастливым самим.

В просохшей почве разглядеть цветущий сад,
То назову я - истинный талант,
Посредственность же видит то, что видит,
Когда талант границы не теснят.

Всезнания ощущение рождает - бесплодие ума.

Побитый, мстью раны лечит,
Когда перед собой ответить нечем.

Все несогласие таит своей причиной,
Сиюминутное упрямство нерушимости
Своих же взглядов бытовавших ранее,
Решающих теперь за нас заранее.

Бездарности во службу оправданье ленью.

Я задал цель, стрелу вложив в свой лук,
Но ветер встречный оттянул удачу,
С тех пор надеждой греюсь, но не обжигаюсь.

И в логике таятся парадоксы.

Люди намного лучше, чем хотят казаться.

Не всех друзей мы в дружбе другом ценим.

От старости лишь смерть одна излечит.

Болезнь питают мысли о болезни.

За ложью кроется другая ложь – к себе.

Неутолимые желанья питают честолюбье жадно.

Под “Я” своим мы ходим, как под игом,
Боясь вниманием заботливым обидеть.

Увы, нет в мире совершенства,
А как польстить себе хотелось.

В тени деревьев вечно прятаться от солнца,
Простуду можно ненароком схлопотать.

Одно бесспорно, да и то, незримо.

И заблуждению доступны откровенья.

Вода течет, ей вторит, молча, рыба,
И не кому нет друг до друга дел,
Брать с жизни спрос, судьбу корить обидой,
Лишь, видно, человеческий удел.

Основа начинаний – вера,
Она свершений всех пол дела.

Обида ищет цель для оправданья, чтобы этой целью себя же оправдать.

Всегда причины всех наших причин,
Мы в свете выгодном, и только в нем, сличим.

Любовь скрывает недостатки душ влюбленных.

На интуиции открытия возрастают,
А интуиции, наш опыт лучший друг.

Безделье – самый тяжкий труд.

Мужское, женское - отростка два,
Единый стебель, что сумел пустить,
И ищет пару каждый для себя,

В надежде целостность былую возместить.

Когда все наши действия являются
Опроверженьем домыслов чужих,
Непониманья стены вырастают.

Настоящий художник умеет донести другим свою идею так,
Что преломляясь в свете мироощущенья этих душ,
Она находит воплощенье в новых красках.

Всегда должны мы что-то и кому-то,
И долг уже, за должность почитаем.

Не все что кажется, является таким,
Но если видеть мы его таким хотим, нам и не важно.

В толпе глупец счастливей оттого, что та, по-братски, его глупость разделяя,
Стирает личности границы, и с того, вся глупость незаметнее его.

Свои пороки оправдать всегда готовы,
Но спуску не дадим за них другому.

Боясь невеждою прослыть в глазах людей,
Неправый в споре, спорит во сто крат сильней.

Итог достигнутого – разочарованье,
Ведь предвкушения ушло очарованье.

Учёность - знания прельщают, а ум – природа золотит,
Но, а тщеславие в том зрит одно и то же.

Кто заготовкой все ответы предвещает,
Того скупа беседа и суха.

И лесть бывает из благих начал,
Но чаще все же ждут ответных действий.

В природе понимания ищи,
Когда людское сердце к нему глухо.

Бесправен тот, кто прав своих не знает.

Как же благое отличали б мы,
Когда невзгод с полна бы не хлебнули.

Заприте и свяжите хоть меня,
Оставьте душу, и свободен я.

На черном фоне серое светлеет,
Так люди скверные, в проступках уличая нас,
Двойною силою злословят, лишь бы только,
За счет наш свою серость оттенить.

Не стыдно ль стыд себе во службу ставить
И попрекать им, как кнутом своим.

Не жалуем создателей своих,
Себе - заслуги, спрос же держим с них.

Чтоб не сойти за дурака,
В других мы ищем простака,
Так все б сошли за идиотов,
Коль не сошел еще бы кто-то.

Мы к не возможному сведем все, что угодно,
Смотря сквозь дымку неудач былых.

Глупо строить отношенье на потерях и лишениях,
Дабы возместить утрату, с нами бывшего когда-то,
Но таков уж человек, растеряв, замену разом
Ищет, не моргнув и глазом, хваткою за вся и всех.

Глаза от золота блестят, и ум мерцаньем ослепляют.

Причина горя, лишь недавно,
Источник радости несла.

Не верьте тем, кто утверждает,
Что лучше всех они вас знают,
Один забыт в который раз,
Кто их в том деле превосходит,

И этот кто-то сидит в вас,
И с вас всю жизнь глаза не сводит.

Как радо стараться лживое счастье выдать себя напоказ.

Себе мы сами не подвластны,
Всем заправляет и руководит
Слепая опрометчивость, со страстью,
Когда мысль в спину действию глядит.

Тщеславию не ведомы пределы.

И капля, море наполняет.

“Любовь моя“, мы говорим,
Блаженство взгляда затая, а после ревностью горим,
“Моя, моя...”, ударным слогом.

На вечный поиск, вечности не хватит.

Без лжи доселе не умели жить,
И даже в этом откровенно врем.

Сперва себя в других мы ищем,
Но ощутив, как чужд тот храм,
Находим творческую нишу,
В душе родной, раскрывшей нам,
Ту сокровенность, что услышать
Не раз водилось тут, да там.

От недоверия сердца черствеют.

Как далеко до верности собак,
И близко как до волчьего оскала,
Тебе, что подчинил себе природу.

Куда бы не вели дороги,
Всегда их мало, нас же много.

Услышав смерти приближенье,

Мы радость жизни познаем.

Кто славы цвет желает обрести,
Сперва, пусть ждет себе в награду зависть.

Когда все рушиться, ты скорбь смени на мысль,
Что это, лишь очистка для простора,
Где правят взгляды новые, созвучные тебе.

Горе ищет утешенья.

Не из безмолвия родилось словоблудие,
Оно для сплетни служит, лишь прелюдией,
А из желания представить в лучшем свете
Себя, излив другим все слухи эти.

Что с наших уст слетело, сторицей вернется.

Нашедший власть, но не обретший разум,
В клыках ее раздавит сам себя.

Трусость всюду страх находит,
Как и страх ее везде.

Десяток фраз и пару мыслей,
Облечь в увесистый и грузный том,
Терпенье надо адское иметь
И ненавидеть дьявольски читателя,
Чтоб прочитав, он вздохом облегченья
Сей труд припоминал потом.

У людей одна проблема,
Скажешь две, уже беда.

Что нас не устает терзать,
Так это наше любопытство,
Как жаждем будущее знать.
И соглашаемся лишиться,
Всего очарованья новизны.

Насилие приемлемо лишь там,

Где нет иных путей предотвращения
Уподобляющихся с ним деяний,
Но все же слово, здравий и карать им
Больней случается и от того желанней.

Пред тем, как управлять другими,
Ты над собой усилие сделай,
И прежде чем всех наставлять,
Себя хоть вразумить сумей.

Бестактный тон ждет дерзости ответной.

Когда в блаженстве, мы приветлива округа
И радости вынашиваем всем,
Но как печаль настигнет, чернь стесняет
Рассудок в проявлениях любых.

Мы вольны выбирать, но право то,
На долю обстоятельств возлагаем.

Отчаянью надежда во спасенье.

Раб тот, кто с участью смирился,
Но в ком не угасает пламя веры,
Свободным человеком остается.

На все вопросы, если б был один ответ,
Развились люди в обезьян обратно.

Прекрасного не счесть обличий разных,
И красота, бывает безобразной.

Мы откровенье сердца прячем,
В задворках душ, чтоб вновь и вновь,
Непониманье, горьким плачем
Умыть и сладко посудачить,
За шелухою дутых слов.

Кто не способен на любовь,
Того она назло находит.

Кто любит поголовно всех,
Тот иль святой, иль самоненавистник.

Не собирайтесь жить, живите смело.

Кто знает меру всех вещей,
Тому они уже не к спеху.

Для человека самый враг заклятый, он сам и есть.

За чередою собственных желаний,
Покрыли мы немало расстояний,
Так и не усмотрев конца пути.

Свершился суд, но приговор его пустой,
Когда ответ держать не перед ним, а пред собой.

Придя в себя и ужаснуться можно.

Что есть ценить, дороже всех сокровищ.

Не робчет истинная мудрость,
По случаю вдруг глупой показаться.

Другие для влюбленных, как предметы,
И оттого так, лишь вдвоем им сладко.

Любители давать советы,
Обычно сами исполнять их не спешат.

Разжечь вражду и искры малой хватит,
Чтоб потушить же пониманья океан ищи.

Как в кратком сердце звонче гром гремит,
Так буйный нрав мгновеньем гнев смирит.

Не уповайте на характер, он ваше детище сперва.

Праздность одиночества боится.

Плохих людей я не встречал,
Испорченных – вот тех немало.

Боясь разоблаченья и признанья,
И смелости лишая все сознать,
Сильнее прежнего нас сковывает разум,
Когда по делу и за дело нас хулят.

Забуть пытаюсь труд несчастный принятия себя,
В забвенье Диониса тщетно ищет он спасенья.

Страх так разоблачения боится,
Что может и с бесстрашием родниться.

Купаясь в неге предвкушенья,
Не пропусти, чего так ждешь.

Богатое воображенье,
Без воли крепкой - украшенье
На манекене жизни.

Где свежий ветер в голове гуляет,
Там много места для вместилища ума.

Когда как в болтовне горазды все,
Умение незаменимо слушать.

Пусть каждый день, для нового рожденья,
Предвестником его звучит.

Неудач, просчетов личных
Черета, пускай для нас,
Будет только повод лишний
Смехом наградить в сей час,
Нашу грусть.

Не в масть, унылому настрою, все козыри, что на руках.

Сочувствие, как врач, для ран душевных, а время - врачевания итог.

Мы больше страха, быть испуганны боимся.

Навязанное дело – камень в гору,
Свои же помыслы – со склона снежный ком.

Не стоит ждать, другие тоже ждут,
И кто сказал, что не быстрее дождутся.

Скрываться от других мы можем вечно,
От совести одной не уберечься.

Вес придает оратора словам,
Его прямая убежденность в говорящем.

Чтоб убедить нас в том, что ново,
И ум вместить до сей поры не смел,
Не хватит красноречья никакого,
Пусть даже и поверить бы хотел.

Куда не глянь, одни пророки,
С их вечной мантрой: “так и знал”.

За звания и чин тебя любить,
Одни лишь подхалимы только будут,
А коли, то тебе по вкусу,
Выходит ты не лучше них.

Теорий идеальных не бывает,
Иначе б это истиной звалось.

Усталости блаженные моменты,
Труды оконченные принесут тебе.

Ребенок - чист, а оттого беспечен.

Кто в нас не заинтересован,

Тот, и не интересен нам.

Возможно тот, Кто создал нас,
Давно уж пожалел сто раз,
Но любит так свое создание,
Что в нем нашел и оправдание.

Все мысли, только брызги, в водовороте дум,
Когда в спокойном плаванье – чист и прозрачен ум.

Немало смелости придется приложить,
Чтоб то, что думаешь открыто изложить,
А обретешь сей навык - меру знай,
Чтоб в откровенности не видели лишь лай.

От суеты одной, в другой спасенья ищем.

На мягком ложе чувства не крепчают,
Очаг их в ссорах закаляет жизнь,
И если зиждется на искреннем он чувстве,
То на невзгод проделки сердчают.

Прикосновенье губ любимых,
Под свежестью воспетых чувств,
Нектара слаще муз лесных,
И вин хмельней тысячетлетних.

Покуда солнышко смеется,
Не слышим, буря как крадется.

За мужество не выдашь трусость,
Когда в глазах от ярости лишь ужас
Стоит, и рушит вся и всех,
Свой гнев трусливый выставив на смех.

О других мы составляем мнение,
Привнося в него, с собой сравнение.

Порой, достаточно посредственного взгляда,
Чтоб сущность распознать того, кто рядом,
А иногда, не всматривайся как,
Все в человеке беспросветный мрак.

Когда для самоутверждения,
Так не хватает одобренья,
На стороне ведем мы поиск,
Себя ж просить, душой в стесненье.

И добрым словом наградишь сполна.

Я волшебник, мысль моя, для задумок дерзких почва,
Но, а если ум подточен, все свершается друзья.

Как много в природе загадок и тайн,
Глаза лишь открой и безмолвно внимай.

И негативный опыт даст плоды,
В руках умелых, извлекая пользу.

Других корить, полезнее намеком,
Чем прибегать к болезненным упрекам.

Живет за каждым жизненный сценарий,
Начертанный собственноручно им,
И как не прозвучит оно печально,
Он и мешает жить нам, как хотим.

Тех вечно убежденных в правоте своей, великое упрямство обуздало.

Родное - то всегда дороже,
Пусть даже и ценой негоже.

К объединению стремятся части целого,
И ищет Бога человек душой.

У рулевого, больше шансов для маневра,
Но у прислужников желаний неумных,
Держать штурвал уж не хватит сил.

Свобода в безнаказанности - ложна.

Бредешь, бредешь, а цель все дальше,
Остановился - мир у ног.

Как же другому отказать,
Когда услуги ждешь ответной.

У пессимиста есть на все ответ,
Но вот всего, как правило, и нет.

Кто учит всех, как жить пристало,
Не разобрался в том и сам,
Коль хорошо кому-то стало,
Он тут, как тут, твердит устало,
Вот так не надо, а так надо,
Чужое мера по весам,
Кладя на чашу их, что сам,
Узрел в своем дурном начале.

А почему б не позавидовать себе.

Однообразие пугает новизной своих подходов.

Великие открытия всегда,
Непонимание великое встречают.

Благодаря врагов своих,
Друзей в них искренних находишь.

В общенья грамоте, изысканная речь, бессильна в понимании другого.

Для алчности и рая мало.

Одно раскаяние, ста проступков стоит.

Семейные дела, душе сторонней, мгла ночная.

Дай людям пищу для ума,
Проглотят, не переварив,

Вдобавок накормив и всю округу.

И откровенный разговор бывает, ловок и хитер.

Как только человек способен,
Вмещать любовь и ненависть к себе.

Одностороннее движенье,
Безвольным, в самоутвержденье.

Когда слова, на разный лад звучат,
Эмоции, куда красноречивей.

Жизнь - череда ошибок,
Любой ценой их избежать – вот главная из них.

Не тратит на оглядки время,
Идущий истинно вперед.

Когда спускаемся в объятия Морфея, берется цензор внутренний за нас,
И день прошедший снова пережив, выносит нам вердикт
В обличье сновидений, и оттого, когда душа намереньем чиста,
Полночный сон, не мучают кошмары.

Традиции – фундамент единенья.

У настроения причудливые формы,
Как и характер, непомерно вздорный,
И нами оно вертит, как захочет,
Когда ему подыгрываем точно.

Каждый прав в силу своей субъективности.

Да будет пусть конец одних свершений – нам вестником других начал.